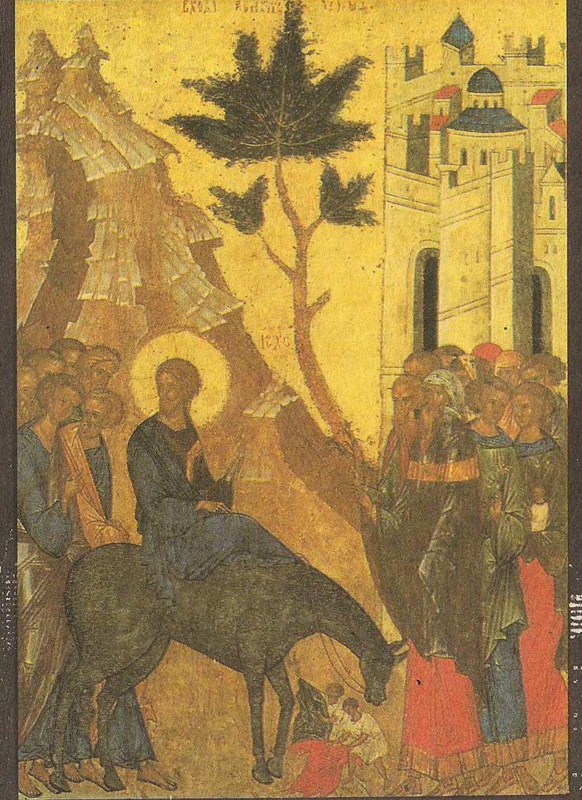

Издательство
Московского подворья
Свято-Успенского
Псково-Печерского
монастыря

Архимандрит
Лазарь

Грех и покаяние последних времен

По благословенію
Святѣйшаго Патріарха Московскаго и всея Руси
АЛЕКСІЯ II

Архимандрит Лазарь

ГРЕХ И ПОКАЯНИЕ ПОСЛЕДНИХ ВРЕМЕН

Издание Сретенского монастыря
1998

Покаяние есть таинство, в котором исповедующий грехи свои, при видимом изъявлении прощения от священника, невидимо разрешается от грехов Самим Господом Иисусом Христом.

Православный катихизис

...Покайтесь и обратитесь от всех преступлений ваших... Отвергните от себя все грехи ваши, которыми согрешали вы, и сотворите себе новое сердце и новый дух...

Иез. 18, 30-31

Глава I

Таинство покаяния

Господь Иисус Христос сказал, обращаясь к ученикам Своим: *Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе* /Мф. 18, 18/ И в другом месте Спаситель, дунув, сказал апостолам: *примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся* /Ин. 20, 22-23/ Апостолы же, исполняя волю Господа, передали эту власть своим преемникам — пастырям Церкви Христовой, и по сей день каждый верующий православно и исповедующий чистосердечно пред православным священником свои грехи может получить через его молитву разрешение, прощение, полное отпущение их.

В этом и состоит суть таинства покаяния. Для того чтобы это таинство свершилось, необходимы: со стороны кающегося — искреннее покаяние, раскаяние в своих грехах, желание оставить грех, не повторять его; вера в то, что таинство покаяния имеет силу очистить и смыть по молитве священника чистосердечно исповеданные грехи; необходимо также условие, чтобы исповедь принимал православный иерей — служитель истинной Христовой Церкви, которая одна только хранит полноту благодати, дарованной нам Богом.

Хотя в таинстве крещения христианин и получает прощение всех грехов своих, но в последующей жизни в непрерывной борьбе

с грехом не обходится без временных поражений, падений, отступлений — под влиянием внешних соблазнов и собственных страстей. Потому-то и нуждается каждый верующий в частом, по возможности, исповедании своих грехов. Но что должно особенно нас подталкивать к покаянию? Какого рода мысли и рассуждения призывают верующего скорее спешить прибегнуть к этому святому таинству? Это те духовная мука, боль, страдание, которые вызывают в душе всякий грех и всякое прегрешение; как больной зуб иногда своей заунывной болью лишает человека возможности мирно совершать свои дела, но всего его истомляет и мучает, лишает сна и покоя, так и греховная заноза в душе всю жизнь человека омрачает, лишает его духовной радости, мира, благорасположения. Часто соделанный умом грех не вспоминается, даже едва ли осознается как грех, а душа чутко помнит, ощущает в себе яд его, томится, страдает, болезнует, и весь человек исполняется какой-то тоской, тревогой, унынием. Накопившиеся грехи и прегрешения, не снятые с совести (не только крупные, но и многие мелкие), тяготят ее так, что человек начинает чувствовать какой-то необычный страх, ему все начинает казаться, что с ним вот-вот должно произойти что-то дурное, то вдруг он впадает в какие-то нервные срывы, раздражения, ощущает частое беспокойство, не имеет внутренней твердости, как бы не способен владеть собой и т. п. Часто причины всего происходящего сам он не понимает, а она в том, что на совести человека — неисповеданные грехи. По милости Божией эти скорбные ощущения и напоминают нам о них, чтобы мы, озадаченные таким бедственным состоянием души своей, пришли к сознанию необходимости исторгнуть из нее весь яд, т. е. обратились к св. таинству покаяния и этим бы избавились от всех тех мук, которые ожидают после Страшного суда Божия всякого грешника, неочистившегося здесь, в этой жизни. То, что грех уже до Страшного суда так мучает, жжет, томит человека, само за себя говорит, что свойство греха есть мучить, терзать, грызть, жечь, изводить, истаивать душу; и там, где окажутся грешники со своими грехами после кончины мира, это свойство греха расширится и усугубится бесконечно; так что это томление сейчас,

здесь, на земле, — только мягкое предупреждение, вразумление, напоминание душе о вечных муках грешников.

Важно и полезно помнить и такую вещь: когда душа христианина отойдет от тела, то первые два дня она находится вблизи тех мест, где жил человек, но на третий день, уже сопровождаемая Ангелом-хранителем, отводится от земли на небо, на поклонение Самому Господу и для частного суда над ней, для того чтобы душе было определено место до всеобщего воскресения и Страшного суда — уже окончательного над всем миром. Вот тогда-то, в третий день по разлучении от тела, для души наступает очень страшный и решающий момент: во время восхождения души на небо приступают к ней злые духи — бесы — со своими князьями во главе, областью которых является воздушное пространство, и начинают предъявлять Ангелу, сопровождающему душу христианина, свои права на владение его душой, они начинают выкрикивать разного рода обвинения — вспоминать все грехи, соделанные человеком, вспоминают при этом многие такие точные подробности, которые едва замечались соделавшим их во время земной жизни, различные нарушения, даже просто соблазнительные слова, сказанные когда-то умершим мимолетно. И все это, оказывается, тщательно было записано у злых наших врагов и прибережено на последний день, чтобы всей этой массой срамных поступков смутить душу, отнять у нее всякую надежду на спасение. Все соделанное становится тогда уже важным, всякая мелочь становится тогда поперек дороги бедной душе, желающей скорее вырваться, проскочить мимо этих гнусных обвинителей. Делают это бесы по своей завистливости, так как сами не могут и не желают покаяться и страшно негодуют, когда видят, как сыны человеческие через покаяние восходят на небо и избегают ада, уготованного злым духам и их служителям, вот они и рады всеми правдами и неправдами задержать душу. Они так наглы, что не только все вспоминают до малейших деталей, но даже явно лгут, клевещут, хотя и знают, что эта клевета Праведным Судией не примется во внимание, однако, желая хотя бы просто смутить

душу отчаянием, и потому говорят то, чего не было. Но дело в том, что те грехи, которые были исповеданы человеком при жизни в таинстве покаяния и разрешены священником, эти бесы даже не могут вспомнить, в их черных списках записи этих грехов в момент их исповедания совершенно исчезают: никто и никогда не вспомнит душе грех, соделанный в этой жизни, но очищенный в таинстве покаяния, — такова сила этого таинства!

Очень полезно перед исповедью прочитать подробное житие преподобной Феодоры Цареградской (память 30 декабря по ст. ст.). Она приняла монашество и проходила свой подвиг под руководством прп. Василия Нового (память 26 марта). Скончалась в 940 году. Ученик св. Василия, Григорий, по смерти Феодоры с мольбой просил старца открыть ему загробную участь старицы. И вот по святым молитвам святого отца было его ученику чудесное видение: он беседовал с преподобной Феодорой, и она поведала Григорию о том, что происходило с ней в момент смерти и после, когда душа ее проходила страшные испытания. Она подробно описала, как к ней придирались злые духи, как разбирали все стороны ее жизни на земле, как даже делятся враги наши на группы, каждая из которых специализируется на определенный вид греха — или, как их называют, мытарства. Итак, на каждом мытарстве душу встречают бесы, которые в жизни сей искушают людей определенным грехом: например, на мытарстве блуда — те духи, которые соблазняли людей в грех блуда, на мытарстве осуждения и клеветы — которые соблазняли человека этим грехом. По роду греха бесы имеют и вид свой, т. е. чем отвратительнее грех, тем они гнуснее и наглее. И к какому мытарству душа ближе и сроднее по делам своим, там на нее и нападают с бо́льшим остервенением. И если не найдется душе чем покрыть эти обвинения, то она низвергается прямо в ад и там бывает затворена до общего воскресения.

Помня все это и несомненно веря этому учению о прохождении душою мытарств, так как это принято всей святой нашей Церковью, и об этих страшных истязаниях можно найти очень много

упоминаний у святых отцов, да и в Священном Писании, например, в Псалтири часто св. пророк Давид говорит от лица души, проходящей этот путь *посреде сени смертныя*, молящейся ко Господу об избавлении от врагов своих, — например, в псалме 26-м: *Не предаждь мене в душы стужающих ми: яко восташа на мя свидетеле неправеднии, и солга неправда себе*; и многие другие подобные места в Священном Писании и у отцов Церкви напоминают о том, как страшно и трепетно будет нам в момент прохождения этих мытарств. Потому как полезно заранее, пока еще нам даны сроки, приготовиться к смертному часу, внимательно рассмотреть все свои грехи, руководствуясь, может быть, именно теми пунктами, по которым, как указала мать Феодора, злые духи мытарят душу (подр. см. изложение о мытарствах в приложении к статье). Итак, отнимем заблаговременно у злых демонов все, что в их лапах может послужить орудием наших терзаний и мучений!

Практически таинство покаяния совершается так: вначале священник молится с желающими исповедоваться, затем уже по одному подходят к аналою, на котором лежат св. Евангелие и крест, делают поклон к алтарю или ко кресту и Евангелию, затем становятся перед аналоем, склонив голову, или же на колени (но это необязательно), после чего священник читает краткое увещевание, обращение к кающемуся, в котором кратко, но глубоко, содержательно напоминается о смысле исповеди, об ответственности исповедующегося, о том, что он стоит перед Самим Господом и священник — лишь свидетель таинственной беседы его с Богом. Вот это обращение в переводе на русский язык: «Дитя мое, Христос невидимо стоит перед тобою, принимая исповедь твою. Не стыдись, не бойся и не скрывай что-либо от меня, но скажи все, чем согрешил, не смущаясь, и примешь оставление грехов от Господа нашего Иисуса Христа. Вот и икона Его пред нами: я же только свидетель, и все, что скажешь мне, засвидетельствую пред Ним. Если же скроешь что-нибудь от меня, грех твой усугубится. Пойми же, что раз уж ты пришел в лечебницу, так не уйди из нее неисцеленным». После этого исповедующийся должен прочесть Символ веры и этим засвиде-

тельствовать свое православное исповедание. Но теперь чаще Символ веры читается всеми готовящимися к исповеди вместе перед тем, как начнут уже по отдельности подходить к священнику.

Иногда, если сам человек не может начать исповедовать свои грехи, священник задает вопросы. Причем, первые вопросы, как они расположены в требнике, — вопросы о вере, о православном исповедании, о верности святой Православной Церкви. Без веры в святость догматов и преданий Церкви или при каких-либо сомнениях в них, а также при желании держаться того или иного еретического учения или отступления — вся дальнейшая исповедь теряет смысл. Потому первые вопросы примерно такого содержания: «Скажи мне, чадо, веруешь ли ты всему тому, что Церковь Православная предала и чему научила, и не сомневаешься ли в каком-либо ее предании (учении)?»

«Не был ли ты еретиком или отступником, не держался ли с ними, посещая их сборища, слушая их поучения или читая их книги?»

Итак, прежде всего надо, чтобы кающийся твердо и решительно исповедал в сердце своем православную веру и покаялся во всех своих сомнениях, колебаниях, уклонениях от чистоты ее. Особенно важно решительно и чистосердечно покаяться во всех тех неправославных учениях и верованиях, к которым имел причастность или доверие до обращения к покаянию. Только после этого возможна дальнейшая исповедь.

Приведем описание наиболее распространенных духовных болезней, грехов, злых навыков, страстей с некоторыми разъяснениями их, чтобы тот, кто будет готовиться к исповеди, мог, читая это наставление, поглубже рассмотреть себя, поточнее найти выражения, названия своих болезней. Полезно при этом составить приблизительный план для себя — какие грехи исповедовать, чтобы не забыть потом на исповеди; но надо будет не просто прочитать с листка бумаги о своих язвах, а с чувством вины и раскаяния открыть их пред Богом, вынимать их из своей души, как каких-нибудь гадких змей, и с чувством отвращения избавляться от них (сравни этот список грехов с теми списками, которые будут

держать злые духи на мытарствах, и заметь: чем тщательнее ты сам обличишь себя, тем меньше страниц обнаружится в тех демонских писаниях). При этом, конечно, каждое извлечение такой мерзости и выведение ее на свет будет сопровождаться и некоторым чувством стыда, и некоторой робостью, будет происходить и разное борение в душе. Но не так ли чувствует себя человек, приходящий к врачу с какой-нибудь отвратительной болезнью: и стыд, и робость, и страх боли, но желание здоровья побеждает все?! Тем более жажда духовных благ должна придавать большее мужество. И здесь — чем больше борьба, чем больше стыд, робость, страх мешают исповедоваться, тем более важно и необходимо во что бы то ни стало преодолеть их, ведь эти чувства сами уже являются духовными изъянами и доказывают только то, что страсти и грехи крепко цепляются и сопротивляются, не желая быть объявленными, так как быть объявленными — уже для них почти полное поражение, а для души начало исцеления, но тем большее облегчение душе и радость после того, как постыдный грех обличен, вынут из своего гнезда. Так что духовная борьба с грехом не может проходить без труда и боли. Мы так сживаемся с греховными навыками и мыслями, что расстаться с ними — то же, что отсечь у живого тела руку или извлечь глаз из глазницы. Но важно извлечь все целиком, сполна высосать яд из раны, желая только одного — очистить душу, не боясь боли и смрада, все повергнуть пред Господом, все безобразие души своей пред Милосердным Врачом душ и телес. И знай твердо: и Сам Господь, и служитель Его — исповедующий тебя иерей, как бы ни был отвратителен твой внутренний греховный мир, только радуются, когда ты от него решительно отрекаешься, на душе священника только радость о покаявшемся. Не позволяй себе думать о том, что священник может потерять к тебе расположение или начнет презирать тебя, — нет! Так не бывает — любой священник после искренней исповеди еще более располагается к исповедующемуся, гораздо ближе и заботливее начинает относиться к нему. Знай это!

Глава II

О грехах

Грех — это нарушение христианского нравственного закона, это непослушание верующего слову Божию.

Понятие греха — религиозное, оно применимо только к лицам, принимающим христианский закон, исповедующим веру в Бога и в силу этого находящимся в «ограде церковной». Кто же вне Церкви, тот и не способен осознать вполне своей греховности, увидеть всего своего падения, ужаснуться всей глубине своей зараженности смертельной болезнью, почувствовать все свое удаление от Бога, от истины.

Потому сначала следует покаяться в грехах против Бога и Церкви Его. Таких грехов множество, они связаны в непрерывную сеть разных духовных состояний, как простых и очевидных, так и скрытых, на первый взгляд невинных, а на самом деле наиболее опасных для души. Можно их разделить обобщенно так: 1) маловерие; 2) суеверие; 3) кощунство и божба; 4) немолитвенность, пренебрежение к церковной службе; 5) прелесть.

Маловерие. Это грех самый распространенный; иногда маловерие переходит и в полное безверие, хотя часто страдающий им человек продолжает посещать богослужение, прибегать к исповеди.

В таком состоянии маловер не отрицает сознательно бытия Божия, однако сомневается в Его всемогуществе, милосердии или Промысле. Своими поступками, привязанностями, всем укладом своей жизни он противоречит исповедуемой им на словах вере. Такой человек никогда не углубляется даже в самые простые догматические вопросы, боясь потерять те наивные представления о христианстве, часто неверные и примитивные, которые он когда-либо приобрел. Превращая Православие в национальную, домашнюю традицию, набор внешних обрядов, жестов или сводя его к наслаждению красивым хоровым пением, мерцанием свечей, то есть к внешнему благолепию, маловеры утрачивают самое главное в Церкви — Господа нашего Иисуса Христа. У маловера религиозность тесно связана с эмоциями эстетическими, страстными, сентиментальными: она легко уживается с эгоизмом, тщеславием, чувственностью. Люди этого типа ищут похвалы и хорошего мнения о них духовника. Такие люди часто на исповеди жалуются на других, желают продемонстрировать свою «праведность». Они легко переходят от приторно-показного «благочестия» к раздражительности и гневу на ближнего.

Такие «праведники», не видящие за собой никаких грехов, часто проявляют к окружающим бездушие, эгоистичны и лицемерны; живут только для себя, считая воздержание от грехов достаточным для спасения. Вообще религиозное самодовольство и самоуспокоенность — главные признаки отдаления от Бога и Церкви.

Суеверие. Часто в среду верующих проникают и распространяются в ней всевозможные суеверия, вера в приметы, ворожба, гадание, различные еретические представления о таинствах и обрядах. Подобные суеверия противны учению Православной Церкви и служат развращению душ и угасанию веры.

В наше время особенно распространено такое губительное учение, как теософия (наиболее известное его направление — антропософия). На лицах людей, продолжительное время занимавшихся так называемыми оккультными науками, посвященных в «тайное духовное учение», остается тяжелый отпечаток — знак

неисповеданного греха, а в душах — болезненно искаженное сатанинской рационалистической гордыней мнение о христианстве как об одной из низших ступеней познания истины. Заглушая детски искреннюю веру в отеческую любовь Божию, надежду на воскресение и жизнь вечную, теософия проповедует учение о карме, переселении душ, внецерковный и, следовательно, безблагодатный аскетизм. Кроме прямого вреда для душевного здоровья, занятия теософией, оккультизмом, спиритизмом тяжко греховны еще и потому, что являются попыткой дерзко заглянуть в закрытую дверь, проникнуть в тайну бытия нецерковным путем, окольной дорогой. Непременно нужно исповедовать такого рода увлечения, если к ним имел отношение, если желаешь вступить на церковный путь и приступить к таинству покаяния.

Кощунство и божба. Эти грехи нередко уживаются с церковностью и искренней верой. Сюда, в первую очередь, относится кощунственный ропот на Бога за Его немилосердное якобы отношение к человеку, за страдания, которые кажутся чрезмерными и незаслуженными. Иногда дело доходит даже до хулы на Бога, на церковные святыни, таинства; часто это проявляется в рассказывании непочтительных или прямо оскорбительных историй из жизни священнослужителей и монахов, в насмешливо-ироническом цитировании отдельных выражений из Священного Писания или из молитвословий.

Особенно распространен обычай божбы и поминовения всуе имени Божия или Пресвятой Богородицы. Очень трудно отделаться от привычки употреблять эти священные имена в бытовых разговорах в роли междометий, которые используются для придания фразе большей эмоциональности, выразительности: «Бог с ним», «Ах, ты, Господи!», «Все у нас — не слава Богу» и т. п. выражения. Еще хуже произносить имя Божие в шутках, и уж совсем страшный грех совершает тот, кто употребляет священные слова в гневе, во время ссоры, то есть наряду с ругательствами и оскорблениями. Кощунствует и тот, кто грозит гневом Господним своим не-

другам или же кто в молитве просит Бога наказать другого человека. Большой грех совершают родители, в сердцах проклинающие своих детей и угрожающие им карой небесной. Призывание нечистой силы (чертыхание) в гневе или в простом разговоре также греховно. Употребление любых бранных слов тоже является кощунством и тяжким грехом. Надо очень решительно бороться с этой болезнью, иначе не может идти речи о духовном здоровье.

Пренебрежение к церковной службе. Этот грех чаще всего проявляется в нежелании участвовать в таинстве евхаристии, то есть когда человек на долгое время лишает себя причастия Тела и Крови Господних при отсутствии каких-либо обстоятельств, мешающих этому; кроме того, это вообще отсутствие церковной дисциплины, нелюбовь к богослужению. Часто оправдываются занятостью, бытовыми делами, отдаленностью храма, длительностью богослужения, непонятностью церковных служб, языка. Этот грех выражается и в незнании основных молитв, Символа веры, начальных молитв, в непонимании смысла совершаемых таинств, и главное — в отсутствии интереса к этому познанию.

Немолитвенность. Это есть частный случай нецерковности, грех общераспространенный. Говоря об этой важнейшей стороне духовной жизни, исповедующийся должен сказать на исповеди, как он молится, каковы плоды его молитвы, доставляет ли ему молитва духовное утешение или же воспринимается им как неприятная повинность, от которой он старается под любым предлогом уклониться; пользуется ли он православным молитвословом или знает молитвы на память, читает ли он Евангелие. Каждый верующий человек должен каждый день в молитвах поминать своих близких, живых — за здравие и умерших — за упокой души, должен молиться «за ненавидящих и обидящих», за тех, против кого у него есть чувство неприязни, кто, быть может, несправедливо обидел его. Должно также часто посещать богослужения, бывать в храме в воскресные дни и по большим праздникам, не-

обходимо соблюдать установленные Церковью посты — не только в смысле воздержания от пищи, но и в нравственном смысле. Должен он примиряться с теми, с кем был в ссоре, подавать милостыню, прощать долги, должен отстранять от себя все суетное и сосредоточиваться на вечном.

Горячая молитва отличает искренне верующего от «теплохладных». Надо стремиться не отчитывать молитвенное правило, не отстаивать богослужения, но стяжать дар молитвы у Господа, полюбить молитву, ждать с нетерпением молитвенного часа. Верующий должен стремиться войти в молитвенную стихию, научиться любить и понимать музыку церковных песнопений, их несравненную красоту и глубину, красочность и мистическую образность литургических символов. Дар молитвы — это и умение владеть собой, своим вниманием, повторять слова молитвы не только губами и языком, но и всем сердцем и всеми мыслями участвовать в молитвенном делании. Необходимо навыкнуть Иисусовой молитве: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго», и эту молитву произносить про себя всегда и везде, особенно же в трудные минуты, при усиливающихся духовных бранях, в искушениях, скорбях.

Итак, брат, рассмотри внимательно, в чем из перечисленных здесь необходимых правил, порядков, обязанностей христианских ты погрешаешь против веры нашей, против святых церковных постановлений, и не забудь покаяться в этом!

Духовная прелесть. Все перечисленные грехи в основе своей имеют недостаток веры, религиозности, церковности. Этот же грех состоит в ложном ощущении избытка личных духовных дарований. Этот грех особенно распространен в монашеской среде, среди людей духовно развитых, с повышенной духовной чувствительностью, живущих аскетической жизнью. Человек, находящийся в состоянии прельщения, мнит себя достойным и достигшим особых плодов духовного совершенства, подтверждением чему служат для него всевозможные «знамения», то есть сновидения, голо-

са, видения наяву. Такой человек может быть весьма одарен мистически, но при отсутствии церковной культуры и богословского образования, а главное — из-за отсутствия хорошего, строгого духовника и наличия среды, склонной легковерно воспринимать его россказни как откровения, такой человек вскоре взращивает в себе гордое мнение, ложное, лестное понятие о своем духовном состоянии. Обычно начинается это состояние с принятия загадочного сна, полного какого-нибудь сумбура, за мистическое откровение или пророчество. На следующей стадии уже наяву являются сияющие видения, в которых он распознает Ангела, или какого-либо угодника, или даже Богородицу и Самого Спасителя. Они сообщают самые невероятные откровения, часто совершенно бессмысленные.

По учению же святых отцов не следует обращать внимания на сновидения, тем более пересказывать их, а также крайне недоверчиво относиться к разного рода видениям и знамениям — скорее спешить исповедовать всякое такое видение духовнику, внимательно следить за сердцем — не возникло ли там гордое чувство, основанное на мысли о своей особой избранности, духовности и более всего страшиться этой язвы в душе, с которой и начинается прелестное состояние.

Гордость и тщеславие. Это самые глубокие, распространенные и гибельные болезни, с которых и начинается все зло в человеке. Гордыня есть мать всех страстей и грехов, ничто так не удаляет человека от Бога, как гордость. Здесь же рядом стоят и все ей подобные болезни: самолюбие, высокоумие, самомнение, эгоизм, лицемерие и т. п. Гордость не всегда явно бывает видна, но всегда ее присутствие можно найти во многих поступках, внимательный к себе человек может легко видеть ее в себе, но не всегда может словом описать свою гордыню и измерить ее глубину. Зато — тщеславие, как ближайший прислужник гордости, всегда бывает видимым, явным. Это очень коварная страсть, она, как вор или как настырный мытарь, старается с любой добродете-

ли, вообще с любого поступка человека, сорвать свой оброк в пользу гордыни, во славу самодовольного «я»; доброе ли дело творит человек, злое ли, красивое или некрасивое — тщеславие высматривает, нельзя ли извлечь из того что-либо хвастливое, насыщающее больное самолюбие, и наоборот: прежде чем сделать какое-то дело, человек всегда в себе рассуждает — стоит ли это делать, ради чего; тут-то тщеславие и суется со своими пагубными предложениями, лукаво извращая доброе пожелание и подменяя богоугодные мотивы на притворные — ради прославления своей личности. Начал человек хорошее дело ради Господа исполнять, а тщеславие шепнет: «Да, давай, — очень хорошее дело, да и про тебя будут так хорошо потом говорить...», и человек воодушевляется, и силы особые появляются, и не замечает он, как принял этот лукавый помысл, и трудится уже во славу свою, а не во славу Божию. Потому-то так часто Спаситель наш и учил об этой страсти — и молиться не на виду, не напоказ людям, и милостыню давать тайно, и всякое дело делать пред Богом, а не пред людьми. И так многообразно действие всех козней этой страсти, что почти невозможно за всеми ими уследить, и, как пишут отцы, только уберешь один повод к тщеславию, оно находит его и в противоположном действии, как кожурки у луковицы, снимаешь одну — там другая такая же. Эта страсть прилипчивая и трудно исцеляемая, и с ней надо сильнее всего бороться, так как она губит все труды человека. Часто внешне вся жизнь христианина может быть самой примерной, самой ревностной, а внутри быть полностью изъеденной этим червем, основанной на ложном фундаменте (на песке), — и огромное, великолепное здание может рухнуть при легком ветерке.

И заметь, брат, в наше время эта страсть очень сильно распространилась среди христиан в виде ложного благоговения, ложной ревности, человекоугодия, в виде лести и лицемерия. Так, смотри внимательно за сердцем своим и этого рода согрешения открывай на исповеди, чтоб тебе не променять славу Божию на славу человеческую.

Человекоугодие. Также тонко уводящая от истинного служения Богу страсть! Нам заповедано Господом любить ближнего как самого себя, но можно любить ближнего, служить ему усиленно, но не ради Бога. Все дело в том, какое настроение лежит в основе этой любви. Как можно различить одну любовь от другой? Любовь христианская обычно не сразу возжигается в сердце. Когда человек начнет жить по-христиански, все его чувства требуют принуждения, борьбы, долгого врачевания, пока они начнут подчиняться хотя бы несколько христианским законам. Сначала и жертвовать собой, каждой крупицей своего «я», ради ближнего крайне трудно. Частым напоминанием себе евангельских заповедей, угрозой наказания немилосердного, страхом ответа за свои грехи и т. д. должно сначала увещевать и принуждать себя хотя бы к внешнему исполнению заповеди о любви к ближнему, пока долгим опытом борьбы сердце не умягчится и не станет любить само (конечно, по благодати Божией, стяжанной трудом и самопринуждением). Здесь всегда на первом месте Господь, Его пример жертвенной любви к роду человеческому, и проявления такой любви всегда очень сдержанны, душеполезны, плодотворны.

Любовь же человекоугодническая всегда имеет в основе своей какую-нибудь страсть: или это приятность плотская, или родственная, или симпатия, или почтение к человеку из-за его высокого положения в обществе, то есть вначале стоит желание угодить человеку ради того, что мы его выделяем как-то в сравнении с другими в данный момент и нам хочется иметь о себе его приятное мнение. Итак, эти разные помыслы бывают едва уловимы, но они-то и составляют внутренний толчок к тому, что вдруг появляется желание послужить человеку, успокоить его, порадовать чем-либо. Чаще всего в таких случаях, если встречается какая-либо преграда со стороны христианских заповедей, то легко ее нарушают, и «ради любви» часто серьезно преступается установление Церкви и наносится оскорбление Самому Господу. При человекоугодии мы поставляем ближнего впереди Бога и служим ему ради своей собственной выгоды, опираясь на свою нечистую

человеческую доброту, часто совершенно забывая на это время о Боге. Но хуже всего, что мы сами в то время думаем и другим даем понять, что мы это делаем по заповеди, по христианскому своему милосердию.

Гневливость, раздражительность. Проявление этой страсти многие оправдывают причинами физиологическими, так называемой нервностью, вследствие страданий и невзгод, выпавших на их долю, напряженностью современной жизни, трудным характером родных и близких. Хотя отчасти эти причины и имеют место, однако они не могут служить оправданием этой, как правило, глубоко укоренившейся привычки вымещать свое раздражение, злость, дурное настроение на близких. Раздражительность, вспыльчивость, грубость, в первую очередь, разрушают семейную жизнь, приводя к ссорам, обычно из-за пустяков, вызывая ответную ненависть, злопамятство, желание отмстить, ожесточают сердца в общем-то добрых и любящих друг друга людей. А как тлетворно действует проявление гнева на юные души, разрушая в них Богом данную нежность и любовь к родителям! Мы можем и должны гневаться только на собственные грехи и недостатки. Нил Синайский советует быть кротким с людьми, но браннолюбивым с врагом нашим, так как в том и состоит естественное употребление гнева, чтобы враждебно противоборствовать древнему змию. И еще: кто памятозлобствует на демонов, тот не злопамятен на людей.

Даже спорить надо без ожесточения и гнева, так как раздражение тут же передается другому. Причиной гнева часто бывают высокомерие, гордыня, желание показать свою власть над другим, обличить его пороки, забывая о своих грехах. Перед исповедью надо вспомнить: не питаешь ли ты, брат, злобы к ближнему своему и примирился ли ты с ним в сердце своем? После обиды, нанесенной тобой кому-либо, исправился ли ты, не осталось ли у другого на сердце скорби и огорчения? Вспомни и покайся, в чем согрешил, и по возможности до исповеди примирись, спроси прощения у того, кого опечалил, а об обидчиках помолись, желая им от сердца добра.

Часто там, где люди живут вместе долго, особенно в тесных условиях, дьявол вселяет между ними распрю, ненависть друг к другу — начинается постоянное раздражение, осуждение, даже отвращение, неприязнь. Это дело злой страсти: начинает казаться, что ближний ведет себя совершенно невозможно, его действия кажутся крайне уродливыми, вызывающими, непристойными. Это известное бесовское искушение. Находя в душе человека одну легкораздражимую струнку, дьявол направляет к ней свои пожужживания, клеветой и ложью подстрекая на гнев, пока не расшатает все струны души так, что та с готовностью начинает отзываться на всякий гневливый помысл. Так бесы, найдя себе лазейку в душе, вскоре уже протаскивают в нее гору разных братоненавистнических чувств и легко доводят человека чуть ли не до беснования, то есть до лютой ненависти к ближнему. Поэтому важно в самом начале очень внимательно следить за недоброжелательными помыслами, мелкими раздражениями, вспышками гнева — и сразу же пресекать их, исповедовать, если есть возможность, чтобы часто и ясно объявлять такие помыслы священнику, который словом, советом может легко помочь отсечь подобные мысли и не дать болезни развиваться дальше. Но крайне неполезно желать разделиться с тем, к кому возникает такая озлобленность. Этого-то и ищет дьявол. Надо стоять до конца, зная истинные истоки этого зла. Когда же человек, разжигаемый бесом злобы, негодует на ближнего и его самого ставит в вину, а не дьявола и свою страсть, то он подобен, по слову отцов Церкви, глупому псу, в которого кидают камни, и он кидается, лая, на них, кусает их, а того, кто кидает, не замечает. Итак, эта страсть также ныне очень развита, для исцеления ее требуется много внимания, борьбы, частого исповедания, смирения перед ближними, самоукорения, многих молитв с поклонами за себя и за тех, против кого идет брань. Истинные христиане, те, кто всею душою желал послужить Господу своему и искал совершенного очищения сердца, часто намеренно искали себе или наставника, или брата с трудным, строгим или даже раздражительным характером, чтобы,

живя рядом с ним, постоянно смиряться и через это скорее научаться кротости и незлобию. Таких примеров довольно много встречается в житиях святых.

Грех осуждения. Осуждая чужие недостатки (действительные или кажущиеся), человек мнит себя лучше, чище, благочестивее, честнее или умнее другого. У кого сердце чисто, тот всех людей почитает чистыми, а у кого сердце осквернено страстями, тот никого не почитает чистым, но думает, что все ему подобны. Наш суд никогда не бывает беспристрастным, ибо чаще всего основан на случайном впечатлении или совершается под влиянием личной обиды, раздражения, гнева, случайного настроения.

Православный христианин, безусловно, может и должен протестовать против неправды, несправедливости, защищать обиженных. Но восстанавливать истину призван лишь тот, кто достоин, кто заслужил право защищать ее, кто сам способен выслушать со смирением правду о себе и с кротостью покаяться в собственных грехах. Осуждение явное или едва заметное — почти самый частый грех, который труднее всего исповедовать, так как он мелкой пылью рассеян по всей нашей жизни, по всей деятельности нашей, но эта пыль крайне зловредна. Одно слово осуждения, одна укоряющая мысль — часто (как мы знаем из примеров жизни св. отцов) совершенно отнимали благодать Божию даже от ревностных подвижников. Одно малое осуждение может полностью лишить христианина награды за многие, долгие труды, в один миг оставить душу начисто ограбленной, опустошенной, унылой, даже если только что она радовалась и веселилась духовной радостью. В святом Евангелии из уст Самого Господа мы часто слышим предостережения относительно осуждения ближнего: *Не судите, да не судимы будете... каким судом судите, таким будете судимы... прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим.* В Господней молитве *Отче наш* мы прямо выносим себе тяжкий приговор, если, произнесши ее, начинаем судиться с ближним и не прощаем ему какое-нибудь прегрешение.

Если же никого не осуждать, всегда отводить глаза от грехов ближнего и стараться узреть свои грехи, себя укоряя и поставляя ниже брата своего, то этот путь будет кратчайшим к Царствию Небесному, легчайшим и радостнейшим. Проживи хоть день так, и ты заметишь в себе, как тут же ты приблизишься к Богу. Если никого не осудишь, то при многих иных согрешениях можешь быть помилован на суде, а при осуждении и при достойной, строгой во всем и чинной жизни найдется и у тебя много грехов, за которые будешь судим по всей строгости. Потому-то так и боялись отцы наши этого греха, так хранили каждое чувство свое, слово, мысль, старались даже легким укором, кивком головы не выказать осуждения, ни обвиняющим взглядом, ни вздохом. Если же навязчиво найдут осуждающие помыслы от демонов, то не давай им привиться к сердцу, а если и прилипают к сердцу, то хоть поостерегись высказать. Если смолчишь, то уже легко сможешь изгнать эту страсть из сердца, а сказал — тяжко согрешил!

Уныние. Грех уныния происходит от чрезмерной занятости собой, своими переживаниями, неудачами, и как результат — угасание любви к окружающим, равнодушие к чужим страданиям, неумение радоваться чужим радостям, рождается зависть. Основа и корень нашей духовной жизни и силы — любовь ко Христу, и ее нужно в себе растить и воспитывать, всматриваться в Его образ, прояснять и углублять его в себе, жить мыслью о Нем, а не о своих мелких суетных удачах и неудачах, отдавать Ему свое сердце — это и есть жизнь христианина. И тогда в сердце нашем воцарятся тишина и мир, о чем говорит св. Исаак Сирин: «Умирись с собой, и мирятся с тобой небо и земля».

Часто у тяжко согрешивших или слабых людей, не способных смело вступить в борьбу со своими страстями, бывает сомнение в возможности прощения их, в возможности исправления, это сопровождается признаками уныния, отчаяния (также тяжкого греха неверия). Но ведь *не здоровые имеют нужду во враче, но больные, пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не*

жертвы? Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию /Мф. 9, 12-13/. Безвыходное положение некоторых исповедников, кажущаяся безнадежность их положения заключаются в том, что люди стоят вне Церкви, спасение их — это войти в Церковь, в общение любви с братьями по вере.

Грех празднословия весьма распространен. Это грех пустого, бездуховного пользования Божественным даром слова. Сюда же относятся сплетни, пересказ слухов. Часто люди проводят время в пустых, бесполезных разговорах, содержание которых тут же забывается. Господь же сказал: *за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься* /Мф. 12, 36-37/.

Грех празднословия никогда не заканчивается простой тратой времени, но оставляет душу человека оскверненной, так как всякое многословие несет в себе или осуждение, или насмешку, или удовлетворение тщеславия, или оживляет страстные воспоминания и т. д. Едва-едва только стоит неосторожно открыть рот для пустой беседы, и уже какое-нибудь вредное слово выскакивает, за ним другое. Потому-то необходимы внимание, краткость в беседах, немногословие. Ведь иногда и одно необдуманное слово может лишить человека благодати Божией, стяжанной долгими трудами (см. об осуждении).

Ложь. Сюда же могут быть отнесены: неисполнение данных обещаний, сплетни, выдумки и преувеличения в праздных беседах, клевета, преподание ближнему своих догадок как твердого знания, смелое рассуждение о малопонятных вещах, преподание ближнему убедительных советов при неимении достаточного опыта и духовности. Этот грех так глубоко вошел в сознание современного человека, так глубоко укоренился в душах, что люди даже не задумываются о том, что любые формы неправды, неискренности, лицемерия, преувеличения, хвастовства являются проявлением тяжелого греха, служением сатане — отцу лжи. По сло-

вам апостола Иоанна, в Небесный Иерусалим *не войдет ...никто преданный мерзости и лжи* /Откр. 21, 27/.

Ложь может проявляться совершенно беззастенчиво, открыто во всей своей сатанинской мерзости, становясь в таких случаях второй природой человека, постоянной маской, приросшей к его лицу. Он так привыкает лгать, что не может выражать свои мысли иначе, нежели облекая их в заведомо не соответствующие им слова, тем самым не проясняя, а затемняя истину. Ложь незаметно закрадывается в душу человека с детских лет: часто, не желая кого-либо видеть, мы просим близких сказать пришедшему, что нас нет дома; вместо прямого отказа от участия в каком-либо неприятном для нас деле, мы притворяемся больными, занятыми другими делами. Такая «бытовая» ложь, кажущиеся невинными преувеличения, шутки, основанные на обмане, постепенно развращают человека, позволяя ему впоследствии ради собственной выгоды идти на сделки с совестью. Необходимо искоренять ложь самым решительным способом; помни, что как от дьявола не может быть ничего, кроме зла и погибели для души, так и от лжи — его детища — не может последовать ничего, кроме растлевающего, сатанинского, антихристианского духа зла. Не существует «спасительной лжи» или «оправданной», сами эти словосочетания кощунственны, ибо спасает и оправдывает нас только Истина, Господь наш Иисус Христос!

Воровство. Заповедь «не укради» некоторые понимают слишком конкретно, как запрещение против явного воровства, грабежа и т. п. Однако хищением является всякое незаконное присвоение чужого имущества, как собственного, так и общественного. Хищением (воровством) следует считать невозвращение денежных долгов или вещей, данных на время; к этому же греху относится тунеядство, попрошайничество без крайней необходимости, при возможности самому заработать на пропитание. Если человек, пользуясь несчастьем других, берет с них какое-либо добро, больше, чем следует, то он совершает грех лихоимства. Это также относится к пере-

продаже вещей и продуктов по завышенным ценам (спекуляция), безбилетному проезду в транспорте и т. п. Грехи — это также нарушение заповеди «не укради».

Если кающийся имеет грех, связанный с нанесением материального ущерба кому-либо, то желательно, чтобы он по возможности возместил свой долг, возвратил украденную вещь или ее стоимость независимо от давности совершенного поступка. Это будет лучшей формой епитимии.

Сребролюбие. Под этим наименованием подразумевается всякое пристрастие к вещам, деньгам, ко всякого рода материальным благам, проявляющееся как в форме расточительности, так и в противоположной ей — скупости. Второстепенный, на первый взгляд, этот грех чрезвычайной опасности — в нем одновременное отвержение веры в Бога, любви к людям и пристрастие к низшим чувствам. Эта страсть порождает злобу, окаменение сердца, многозаботливость, зависть. Преодоление сребролюбия есть частичное преодоление и этих грехов. Со слов Самого Спасителя мы знаем, что богатому трудно войти в Царствие Небесное. Христос учит: *Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут; ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше* /Мф. 6, 19-21/.

От этого греха близ стоят многие страсти: страсть красиво одеваться, особенно иметь редкие вещи, «со вкусом» подбирать себе всякую вещь, создавать себе красивую модную обстановку в доме, отсюда и тщательная забота о порядке в вещах, об их хранении, страх что-либо потерять, страх воров, грабежа, раздражение на тех, кто прикасается или просит вещи, соревнование с другими в приобретении вещей, зависть, осуждение, немилосердие, презрение к нищим; человек начинает много внимания уделять внешнему своему виду и окружающих, здесь возникает отношение к ближнему «по одежке», уважение растет или падает в зависимости от материаль-

ного благосостояния ближнего, а отсюда и несправедливость, человекоугодие, отвращение или брезгливость. Апостол страсть сребролюбия называет идолопоклонством. Кто начинает служить тленному веществу, тот становится его рабом, почитателем, поклоняется тленному — твари — и оставляет Творца.

Чревоугодие. Разным людям требуется разное количество пищи для поддержания своих физических сил — это зависит от возраста, телосложения, состояния здоровья, от тяжести выполняемой работы. В самой пище нет никакого греха, ибо это дар Божий. Грех же заключается в отношении к ней как к вожделенной цели, в поклонении ей, в сладострастном переживании вкусовых ощущений, разговорах на эту тему, в стремлении тратить как можно более денег на новые, еще более изысканные, продукты.

Христианин должен всегда сдерживать себя от всякого излишества, стараясь делать все в меру необходимости и полезности, а все чрезмерное, приносящее душе вред, — отсекать. Когда соблюдена мера в пище, то она подкрепляет человека и дает силы для трудов во славу Божию, для занятий и телесных, и духовных, для совершения молитвы, коленопреклонения и т. д. Лишение же себя необходимого количества пищи, то есть неразумный пост, а также излишества отнимают силы, лишают человека возможности соблюдать четкий, душеполезный ритм своей жизни. Услаждение вкусовыми качествами пищи очень вредит духовным занятиям, притупляет вкус ко всему духовному, развивает сладострастие, желание новых чувственных ощущений, в душе поселяется чувство неудовлетворенности «серой» жизнью, то есть человек начинает ждать и выискивать чего-нибудь поярче, почувствительнее, — уже не только в пище, но и в других отправлениях своей чувственности. Поэтому от чревоугодия недалеко и до блудных разжжений, все связано в человеке — и от одной страсти недалеко до других. Так, чревоугодие порождает нарушение поста, а это уже удаляет человека от Церкви, от Бога. Чревоугодник не способен бороться со многи-

ми другими страстями, в то время как пост — оружие против множества страстей.

Греховно также забывать молиться перед едой, особенно по причине нетерпеливого желания поскорее начать есть. Очень вредно есть от скуки, от уныния, от безделья.

Пьянство. Тяжкая страсть, стоящая по соседству с обжорством, — пьянство. Сколько горя приносит эта страсть, каждый знает. О том, как пагубно действует пьянство на здоровье, на психику, на отношения с близкими людьми, — об этом много везде говорят и верующие и неверующие. Беда в том, что трудно бывает пьющему человеку избегать повода к выпивке и храниться подальше от спиртного, так как в обществе без питья не обходится ни одно событие — ни маленькое ни большое, ни радостное ни печальное. При этом многие считают своим долгом внимательно следить за ближним, чтобы он пил, ибо боятся: вдруг у того не будет «настроения». Так бывает теперь и в среде людей верующих, тем более для всякого христианина вино — вещество особое, как хлеб и елей, освященные тем, что применяются в богослужении: чистое красное вино и специально испеченный хлеб — просфоры — служат для совершения святого таинства евхаристии. Поэтому и на праздниках христиан всегда бывает вино, и выпить немного для того, чтобы приподнять праздничное настроение, не грех, но в наше время люди так стали слабы, так невоздержанны во всем, что за праздничным столом почти всегда кто-нибудь напивается. Если раньше уставом в монастырях позволялось монахам выпивать до двух кружек вина за трапезой, то надо учитывать, что люди тогда были гораздо сильнее и воздержаннее и на них вино не производило такого действия. В наше же время надо быть крайне осторожным, и если человек знает за собой слабость к спиртному, то должен заранее всегда настраиваться строжайшим образом — или вообще не прикасаться к вину, или же соблюдать точно меру. Теперь часто пьют вино в посты, но это явное нарушение,

так как четко написано в церковных типиконах: когда пост бывает открыт вином? в случае какого-либо праздника.

Помни, брат, следующее: хотя вино поначалу и кажется вещью самой прекрасной, приятной и безобидной, но бесы очень любят ловить слабых людей на эту приманку — часто и один стакан лишает бдительности, осторожности, и дьявол уже готовит сеть греха, в которую легко попадает тот, кто хоть немного забылся и расслабился. Каких только безумных поступков не творят люди в нетрезвом состоянии, порою просто беснуются, попадая в полную зависимость от злых духов, «пляшут под их дудку», доходят до самоубийства. Господь говорит в святом Писании, что пьяницы не спасутся. Пьяница ищет в вине радости, веселья, хочет забыться, уйти от скорбей мира сего, но ведь та сила в вине — веселить и согревать сердце — это только слабое напоминание, слабый образ, сравнение с той радостью, духовным весельем, которыми уже радуется и веселится каждый истинно верующий и исполняющий заповеди Христовы. Благодать Божия, которую источает учение евангельское, наполняющая каждого, кто внимает слову Божию и живет им, — вот вино веселящее и пьянящее, и вводящее в Царствие Небесное!

Убийство. Страшнейшим грехом во все времена считалось нарушение шестой заповеди — убийство, лишение другого человека величайшего дара Господня — жизни. Таким же страшным грехом является самоубийство и убийство во чреве — аборт.

Очень близки к совершению убийства те, кто во гневе на ближнего допускают рукоприкладство, наносят побои, раны, увечья. Виновны в этом грехе родители, жестоко обращающиеся со своими детьми, избивающие их за малейшую провинность, а то и без всякого повода. Нередко впадают в этот грех рукоприкладства те, кто злоупотребляет вином. Стало обычным делом среди молодежи драться, часто до серьезных увечий, чуть ли не убивать друг друга из-за ничего, ради того, чтобы выказать свое «мужество», постоять за свое «я». Но разве это мужество? Как правило такие «герои»

просто не умеют подавлять в себе страсть и действуют в порыве гнева, ненависти, под действием вспышки сатанинской злобы; мы же, христиане, знаем, что настоящее мужество выказывает себя в твердом, терпеливом, настойчивом противостоянии страстям, неподчинении им. Кто мужественнее? Те, кроткие, слабые физически, молчаливые, покорные христиане: юноши, девушки, малые дети, матери вместе со своими младенцами — которые без сопротивления шли на муки ради Христа, добровольно отдавали себя на мучения, терпели над собой неслыханное издевательство; или же те «мужчины», которые за одно оскорбительное слово готовы ближнему пустить кишки наружу, чуть что — тянутся за нож? Интересно — как бы поступили такие люди, если бы их повели на муки, требуя отречения от своей веры? Скорее всего или сразу же отверглись Христа, или же стали проклинать своих обидчиков, скрежетать на них зубами, стараться ударить кого-нибудь из них. А вот христиане всегда молились даже за своих мучителей и палачей. Часто теперь можно слышать оправдание, что, мол, в жизни существуют «волчьи» законы и кротость не всегда полезна и возможна. Но как такие мысли совместить с христианством; к кому же тогда обращены слова Самого Господа: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем*, или заповедь — кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую?

Повинны в этом грехе и те, кто подстрекает на драку, кто стравливает людей сплетнями, наговорами, клеветой, озлобляет друзей, близких людей ссорит между собой, те, кто раздор вносит среди окружающих. Да знает такой, что он прямо делает дело дьявольское, так как и само слово «дьявол» значит «клеветник».

Своевременное неоказание помощи больному, умирающему, равнодушие к чужим страданиям тоже следует рассматривать как пассивное убийство. Особенно ужасно подобное отношение к престарелым больным родителям со стороны детей. Сюда же относится неоказание помощи человеку, попавшему в беду: бездомному, голодному, утопающему на ваших глазах, избиваемому или

ограбляемому, потерпевшему от пожара или наводнения. Но мы убиваем ближнего не только руками или оружием, но и жестокими словами, бранью, издевательством, насмешкою над чужим горем. Св. апостол Иоанн говорит: *Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца* /I Ин. 3, 15/. Каждый на себе испытал, как ранит и убивает душу злое, жестокое, язвительное слово.

Не меньший грех совершают и те, кто лишает чести, невинности молодые души, растлевая их физически или нравственно, толкая их на путь разврата и греха. Блаженный Августин говорит: «Не думай, что ты не убийца, если ты наставил ближнего твоего на грех. Ты растлеваешь душу соблазненного и похищаешь у него то, что принадлежит вечности». Приглашать на пьяное сборище юношу или девушку, насильно спаивать непьющего, подстрекать к отмщению обид, соблазнять развратными зрелищами или рассказами, насмехаться над целомудренными, над скромными людьми, склонять к нарушению поста, заниматься сводничеством, предоставлять свое жилище для пьянства и развратных сборищ — все это соучастие в нравственном убийстве ближнего.

Убийство животных без нужды, истязание их — это тоже грех: *Праведный печется и о жизни скота своего, сердце же нечестивых жестоко* /Притч. 12, 10/.

Предаваясь безмерной печали, доводя себя до отчаяния, мы грешим против той же заповеди. Самоубийство — величайший грех, ибо жизнь есть дар Божий, и только Ему принадлежит власть лишать ее нас. За самоубийц даже нельзя молиться, Церковь не поминает их имен и не отпевает, не положено и хоронить их на христианском кладбище и ставить крест на могиле. Ведь самоубийца сбросил свой крест, отказался нести его тяготу, отверг всякое упование на милость Божию, самим покушением на свою жизнь отверг все человеколюбивые и несказанно милосердные о себе попечения Господа (а ведь, по слову Самого Господа, и волос с головы нашей не падает без ведома Божия, так Он печется о каждом человеке!). Отказ от лечения, намеренное неисполнение предписаний

врача, сознательное нанесение вреда своему здоровью, злоупотребление вином, курение табака, злоупотребление лекарствами, употребление наркотиков, вообще пренебрежительное отношение к телесному и душевному своему здоровью — все это разные виды того же самоубийства. Тело — храм души, как и весь человек — храм Божий, храм Духа Святого, и *кто Божий храм растлит, растлит сего Бог* /1 Кор. 3, 17/, по слову Священного Писания.

По правилам Анкирского собора /313 г./ за преднамеренное умерщвление плода (аборт) полагается отлучение от причащения на десять лет. Св. Василий Великий, говоря в одном из своих правил /2-е правило/ об умышленно погубивших зачатый во утробе плод, не допускает различия между плодом, вполне образовавшимся, и еще не получившим человеческого вида. Он находит в этом преступлении двойной грех: и детоубийство, и попытку самоубийства, так как с насильственным погублением плода подвергается опасности и жизнь самой матери. Св. Василий осуждает таких матерей в детоубийстве, но определяет им половину срока епитимьи, положенной за убийство. Для женщины, признающей свою причастность к Православной Церкви, искусственное прерывание беременности категорически недопустимо.

Аборт равнозначен убийству. В основе причин, приводящих к этому тяжкому греху, — отсутствие доверия к Богу, устрояющему жизнь всякого человека, приходящего в мир, а также боязнь житейских трудностей или страх позора, насмешек, когда зачатие совершилось в результате блуда или прелюбодеяния. Но к этому греху почти всегда причастны и мужчины — мужья или любовники. Мужья, которые поощряют аборт или же сами понуждают к нему, виновны не меньше, а то и больше своих жен. Мужчины, которые легкомысленно входят в близкие связи с женщинами, оказываются виновниками совершаемых абортов, а также, впадая в блудодеяния, становятся причастными к детоубийству. И сколько таких легкомысленных «гулящих» мужчин, не ведая того, но-

сят на своей крещенской ризе следы крови — своих умерщвленных младенцев. Поэтому перед исповедью надо хорошенько припомнить: не было ли совершено такое преступление или, может быть, были такие блудные связи, которые могли кончиться абортом, и на Страшном суде вдруг окажется, что и к такому греху, как убийство, имеешь причастие.

Грех блудодеяния. Седьмая заповедь — не прелюбы сотвори! Грех блудодеяния очень распространен, заразителен, глубоко поражает душу и тело, поэтому наиболее опасен. Чувственность глубоко проникла в падшую природу человека и может проявляться в самых разнообразных и изощренных формах.

Блуд — неосвященное благодатной силой таинства брака совокупление холостого мужчины и незамужней женщины или нарушение целомудрия юношей и девушек до брака. Прелюбодеяние — нарушение супружеской верности одним из супругов. Кровосмешение — плотская связь между близкими родственниками. Противоестественные половые связи — мужеложство, лесбиянство, скотоложство, малакия (рукоблудие, онанизм). Отвратительность этих грехов очевидна, ясна их недопустимость: они ведут к духовной смерти еще до физической кончины человека.

К великому сожалению, в наше время, как никогда, мир заражен развратом, духом блуда, всюду создается атмосфера, разжигающая плотскую похоть. Особенно пагубно действует сегодня влияние «западной культуры»: гнусные журналы, фильмы, срамные фотографии и картины, бесовская музыка (само начало рок-музыки характерно прежде всего отчаянным бунтом против всяких запретов в отношении половых связей, против всех запретов морали, нравственности — против законов религиозных, общественных, семейных), развращающие романы, стихи и т. п. В общем, на вооружении у человеконенавистнических демонов блуда сейчас имеются все виды глубоко проникающих в души людей средств влияния, пленения, погубления. Грех блуда начинается прежде падения телом — с рассматривания соблазнительных зрелищ, увлечения

воспоминаниями виденного греха, блудных картин, когда человек не отсекает и не изгоняет из души попавшую туда заразу греха.

Блудные помыслы, возникшие в результате такой невнимательной жизни, особенно сильно одолевают человека в уединении, особенно по ночам. Здесь лучшим лекарством являются аскетические упражнения: пост в пище, недопустимость лежания в постели после просыпания, регулярное чтение утреннего и вечернего правила.

Началом или частью блудного греха являются соблазнительные разговоры, непристойные истории, анекдоты, пение безнравственных песен, писание нецензурных слов, употребление их в разговорах (матерщина). Все это приводит к порочному самоуслаждению, которое тем более опасно, что связано с усиленной работой воображения и неотступно начинает преследовать несчастного, часто пленяя весь ход его мыслей, чувств, превращая его в раба жалкой страсти, низкого порока. Много труда и скорбей надо понести затем, чтобы исцелить душу от этого зловредного, крайне прилипчивого, назойливого навыка.

Хотя среди блудных грехов грех рукоблудия кажется самым «безобидным», он наиболее трудно врачуется, так как, навыкши к нему, всегда легко можно согрешить — особенно же ночью, лежа в постели, порой бывая побуждаемым страстью прикасаться к своему телу, легко можно пасть. Здесь нужно всегда заранее быть предупредительным — вовремя отсекать помыслы ко греху, в постель ложиться в белье, покрывающем бóльшую часть тела, ни в коем случае не обнажаться совсем, не позволять себе прикасаться к своему телу, быть осторожным в бане, стараясь не смотреть на свое обнаженное тело, не заглядываться в зеркало. Необходимо чаще произносить краткие молитвы про себя, иногда шепотом, просить у Господа помощи против этого греха, призывать имя своего святого (чье имя носишь). Если за блуд, прелюбодеяние положено правилами Церкви отлучение от таинства причащения на многие годы или месяцы, с чтением канонов, поклонами, то за грех рукоблудия полагалось отлучение от таинства причащения на сорок дней с сухоядением (то есть строгим постом — без

употребления вареной пищи). Теперь же, снисходя к крайней немощи верующих, учитывая страшную разнузданную атмосферу сегодняшнего мира, срок этот уменьшают и епитимью обычно назначают около двух-трех недель и не с такими строгостями. Бывает, что во время сна при блудных сновидениях, или без них, происходит блудное разжжение, оканчивающееся истечением семени, так называемое осквернение (как еще принято называть — падение). За этот неприятный случай тоже надо понести малое наказание, исполнить правило, сделав 50 земных поклонов с молитвой: «Боже, милостив буди мне грешному и очисти мя блуднаго имени ради святаго Твоего», также прочитать молитву Василия Великого от осквернения (есть в молитвословах). В день после ночного осквернения не положено прикасаться к св. иконам, святыням, вкушать просфору, пить освященную воду. Осквернившийся накануне св. евхаристии не приступает к причащению. Падение во сне надо исповедовать священнику.

Прелюбодеяние есть падение несвободного с несвободною, то есть имеющего законную жену мужа с женою, имеющею своего мужа, или падение свободного с несвободною, или наоборот.

Прелюбодеяние есть повреждение и осквернение чужого ложа и своего. Если оба лица несвободны, то оба они одновременно оскверняют чужое и свое ложе, не сохраняя в своем законном супружестве веры и любви и преступая предел закона, — посему и судится грех прелюбодеяния более, чем грех любодеяния.

Падение таковых есть великий и тяжкий грех, не только тяготу и скверну блуда содержащий, но и законный брак повреждающий и оскверняющий, и досаждающий Творцу и Законоположителю Богу.

Прелюбодеющий разлучает то, что Бог сочетал, рассекает пополам плоть едину и наносит обиду тайне супружества. Поэтому грех прелюбодеяния — вдвойне больший грех, чем любодеяние, и виновность первого тяжелее последнего. Ибо любодеяние оскверняет только два свободных лица — любодействующего и любодействующую, прелюбодеяние же простирается на четыре: два

лица оно оскверняет, а двум другим наносит обиду. Поэтому и епитимья прелюбодею св. Василием Великим положена такая: блудник подвергается запрещению на 7 лет, а прелюбодей — на 15 лет (см. Кормчую, 58 и 59 правила). А св. Иоанн Златоуст считает прелюбодеяние грешнее разбойничества: «Каждому Бог дал жену и положил законы для естества, установив соединение с одною. Поэтому преступление с иною есть разбойничество и лихоимство, и даже преступление лютейшее всякого разбойничества, ибо мы не так сильно страдаем, когда уносят наше имущество, как в том случае, когда подрывается брак» /на 1 Посл. к Сол. 4, 6/. Прелюбодеяние в Ветхом Завете не удостаивалось помилования и прощения и никакими жертвами не могло быть очищено: не упомянуто о сем в книге Левит, в которой описывается, какие жертвы нужно приносить за какие грехи. За прелюбодеяние не было назначено жертвы или очищения, но что же? Казнь смертная, и не каким-либо иным способом этот грех истреблялся и очищался в людях Божиих, как только смертной казнью /Лев. 20, 10. Втор. 22, 22/

Прелюбодеяние, хотя бы оно и не было обнаружено, тем не менее сопровождается непрерывною мукою совести: внутренний червь постоянно грызет, обличает, отягчает и приводит в отчаяние. Если же прелюбодеяние обнаруживается, воспоследствует за сим великий стыд, бесчестие, неукротимая ярость мужа, ложе которого осквернено, гнев собственной жены согрешившего и достойное по праведному суду наказание.

Всегда грех прелюбодеяния во всех народах строго наказывался лютыми казнями или муками. В Риме закон повелевал прелюбодея и прелюбодейку связывать вместе и бросать в огонь. Август Тиберий, Домициан, Север и Аврелий установили за прелюбодеяние такое наказание: сгибать вершины двух деревьев, привязывать к ним за ноги виновного и отпускать, таким образом тело грешника или грешницы разрывалось на части. Другие римские цари позволяли безнаказанно мужу убивать жену и прелюбодея с ней, если застанет их вместе согрешающими. В Древней Греции был издал закон —

секирою отсекать головы мужу и жене, взятым на месте прелюбодеяния. Саксонцы убеждали прелюбодейку, чтобы она сама удавилась веревкою, труп ее сжигали и вешали прелюбодея над этим костром. Египтяне прелюбодея били железом, нанося ему тысячу ран, а прелюбодейке отрезали нос. Куманы, посадив жену нагою на осла, возили ее по всему городу и били. Бразильцы таких жен или убивали, или же продавали как рабынь. В иных местах отрезывали женам нос и уши, а мужам — уды прелюбодеяния. Многие и другие лютые наказания прелюбодействующих были в различных странах.

Ныне же среди христиан таковые грехи столь многочисленны, но казни смертной им не положено; вообще этот грех теперь слабо наказывается, и только разве Сам Праведный Судия будет казнить в будущем веке. Отчего происходят постигающие отовсюду нас столь великие бедствия? Ради грехов наших месть Божия бьет нас, а мы не хотим познать виновности нашей и покаяться.

Все состоящие в нецерковном браке тяжко согрешают, они должны обязательно освятить свой союз таинством брака, в каком бы возрасте они ни были. Кроме того, и в браке следует соблюдать целомудрие. Не предаваться неумеренности в плотских удовольствиях, воздерживаться от сожительства в посты, накануне воскресных и праздничных дней.

Итак, просматривая этот краткий список грехов, вспоминай, что имеет отношение к твоей жизни; здесь далеко не все описано, что вредит душе и губит ее, задумывайся и заглядывай в себя — многое забытое и греховное может всплыть в памяти. Записывай все и спеши исповедовать!

Глава III

Советы готовящемуся к исповеди

В Священном Писании сказано: *Сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению, управь сердце твое и будь тверд, и не смущайся во время посещения, прилепись к Нему и не отступай, дабы возвеличиться тебе напоследок*/Сир. 2, 1-3/.

Как только ты решишь поститься, каяться, исповедовать свои грехи, так явится множество препятствий, внутренних и внешних. Враги рода человеческого, узнав о твоем намерении, всячески начнут смущать тебя извне разными обстоятельствами и изнутри сомнениями, помыслами, страхами. Но все исчезнет, как только проявишь твердость в своем намерении.

Исповедоваться надо как можно чаще, промежутки между исповедями должны быть наполнены духовной борьбой, усилиями, подкрепляемыми предыдущей исповедью, ожиданием и приготовлением к следующей. Так частое исповедание грехов будет охранять и поддерживать трезвым весь твой благочестивый образ жизни. Благодать Божия, действующая в таинствах покаяния и св. причащения, осязательно делает человека чувствительным к своим грехам и немощам, он не так легко подвигается на греховные дела и укрепляется в истинах веры. Церковь и все ее уста-

новления становятся для него родными, близкими сердцу.

Хотя и желательно иметь своего духовника, но это вовсе необязательное условие для истинного покаяния. Для человека, действительно страдающего от своего греха, безразлично, у кого он исповедует его: лишь бы как можно скорее покаяться в нем и получить отпущение. Покаяние должно быть совершенно свободным, никак не вынужденным.

Исповедь — это не беседа о своих недостатках, сомнениях и не рассказ духовнику о своей жизни. Исповедь — это таинство, а не просто благочестивый обычай. Исповедь — это горячее покаяние сердца, жажда очищения, которая происходит от ощущения святыни, это второе крещение, и, следовательно, в покаянии мы умираем для греха и воскресаем для святости. Раскаяние — первая степень святости, а бесчувственность — это пребывание вне святости, вне Бога.

Первым делом готовящегося к исповеди должно быть испытание сердца. Для этого необходимо несколько дней готовиться: поститься, читать духовную литературу, больше молиться, читать советы и наставления о таинстве покаяния, вспомнить и записать свои грехи. Обычно люди, неопытные в духовной жизни, не видят ни множественности своих грехов, ни их гнусности. Они говорят: «Ничего особенного я не совершал, у меня только мелкие грехи, как у всех, — не украл, не убивал». Так многие часто начинают исповедь. А самолюбие? Неперенесение укоров? Черствость? Человекоугодие, слабость веры, отсутствие любви к ближнему? Малодушие, духовная леность? Разве все это неважные грехи? Разве можно утверждать, что мы достаточно любим Бога, что вера наша действенна и горяча? Разве каждого человека мы любим так, как заповедано Спасителем? Разве достигли мы кротости, безгневия, смирения? Чем объяснить нашу безучастность на исповеди, наше самомнение, как не окамененным нечувствием, как не мертвостью сердечной, душевной смертью? Почему св. отцы и учители наши, оставившие нам покаянные молитвы, считали себя первыми из грешников, а мы убеждены, что

у нас все благополучно?! Чем ярче свет Христов озаряет сердца, тем яснее сознаются все недостатки, язвы и раны. И наоборот, люди, погруженные во мрак греховный, ничего не видят в своем сердце, а если и видят, то не ужасаются, так как им не с чем сравнивать, ибо Христос для них закрыт их пеленой грехов.

Разбираясь в нравственном состоянии своей души, надо постараться различать основные грехи от производных, симптомы от более глубоких причин. Например, мы замечаем — и это очень важно — рассеянность на молитве, невнимание во время богослужения, отсутствие интереса к слушанию и чтению Священного Писания; но не происходят ли эти грехи от маловерия и слабой любви к Богу?! Нужно отметить в себе своеволие, непослушание, самооправдание, нетерпение упреков, неуступчивость, упрямство; но гораздо важнее открыть и понять их связь с самолюбием, гордостью. Если мы замечаем в себе стремление быть всегда в обществе, на людях, проявляем словоохотливость, насмешливость, злословие, если мы излишне заботимся о своей наружности и одежде, то надо внимательно исследовать эти страсти, ибо чаще всего так проявляется наше тщеславие и гордыня. Если мы слишком близко принимаем к сердцу житейские неудачи, тяжело переносим разлуку, безутешно скорбим об отшедших, то не кроется ли в силе и глубине этих наших искренних чувств неверие в благой Промысл Божий?

Есть еще вспомогательное средство, ведущее нас к познанию своих грехов: перед исповедью вспомнить то, в чем обычно обвиняют нас другие люди, бок о бок с нами живущие, наши близкие: очень часто их обвинения, укоры, нападки справедливы. Перед исповедью надо просить прощения у всех, перед кем считаешь себя виновным, чтобы приступить к таинству с неотягощенной совестью.

При таком испытании сердца нужно следить, чтобы не впасть в чрезмерную мнительность и мелочную подозрительность ко всякому движению сердца; став на этот путь, можно потерять чувство важного и неважного, запутаться в мелочах, в таких случаях надо временно оставить испытания своей души и

молитвой и добрыми делами прояснить душу.

Приготовление к исповеди — не в том, чтобы возможно полно вспомнить и даже записать свой грех, а в том, чтобы достигнуть того состояния сосредоточенности, серьезности и молитвы, при котором, как при свете, станут видны ясно наши грехи. Духовнику исповедник должен принести не список грехов, а покаянное чувство, не детальный рассказ о своей жизни, а сокрушенное сердце.

Знать свои грехи — это еще не значит каяться в них. Правда, Господь принимает исповедание — искреннее и добросовестное, даже если оно и не сопровождается сильным чувством раскаяния, если этот грех — окамененное нечувствие — мы исповедуем мужественно и откровенно, без лицемерия. И все же, сокрушение сердца, скорбь о грехах своих есть важнейшее из того, что мы можем принести на исповедь. Но что же делать, если испепеленное греховным пламенем сердце наше не орошается живительными водами слез? Что если «немощь духовная и плоти неможение» так велики, что не способны на искреннее покаяние? И все-таки это не причина для того, чтобы откладывать исповедь в ожидании покаянного чувства. Бог может коснуться нашего сердца и во время самой исповеди: самоисповедование, наименование вслух своих грехов может смягчить наше сердце, утончить духовное зрение, обострить покаянное чувство. Больше же всего преодолению нашей духовной вялости служат молитвенные приготовления к исповеди, пост. Истощая наше тело, пост нарушает гибельное для духовной жизни наше телесное благополучие и благодушие. Однако пост сам по себе только подготовляет, разрыхляет почву нашего сердца, которое после этого сможет впитать молитву, слово Божие, жития святых, творения св. отцов, а это, в свою очередь, повлечет усиление борьбы со своей греховной природой, подвигнет на активное делание добра близким.

Наше бесчувствие на исповеди большею частью коренится в отсутствии у нас страха Божия. Вот сюда и должны быть направлены усилия. Потому очень полезно чтение и размышление о смерти, о Страшном суде, о горестном пребывании грешников в аду, о мимолетности этой жизни и о бесконечном величии вечности.

Не нужно на исповеди ждать вопросов, надо самому сделать усилия, ведь исповедь — это подвиг и самопринуждение. Говорить надо точно, не затемняя неприглядности греха общими выражениями. Довольно трудно, но необходимо, исповедуясь, избегнуть соблазна самооправдания, отказаться от попыток объяснить духовнику «смягчающие обстоятельства», отказаться от ссылок на других, якобы введших в грех. Все это признаки самолюбия, отсутствия глубокого покаяния, продолжающегося погрязения в грехе. Иногда ссылаются на слабую память, не дающую будто вспомнить все грехи. И действительно, часто бывает, что мы легко и быстро забываем наши грехопадения. Но происходит ли это только от слабой памяти? Ведь, например, случаи, когда особенно больно было задето наше самолюбие, когда нас незаслуженно обидели; или наоборот, все, что льстит тщеславию: удачи, добрые дела, похвалы, благодарности — мы помним долгие годы. Все то в нашей мирской жизни, что производит на нас сильное впечатление, мы долго и отчетливо помним. Не потому ли мы забываем наши грехи, что не придаем им серьезного значения?

На исповеди часто говорят: мы уже исповедовали некоторый грех, но нас продолжает беспокоить страх за его тяжесть, что он нам не простится, мы никак не можем забыть его. Что же? Повторять его снова на исповеди или нет? На исповеди говори все, что тебя беспокоит, что у тебя болит, не стесняйся поэтому лишний раз сказать о своих прежних грехах. Это хорошо, это будет свидетельствовать, что ты постоянно ходишь с чувством своего окаянства и препобеждаешь всякий стыд от обнаружения своих греховных язв.

Некоторые боятся и как бы не верят, что им могут быть прощены грехи, и эта боязнь иной раз принимает болезненную форму. Это чувство страха покоится или на недостатке веры, надежды, любви к милосердному Господу, или же на частой повторяемости грехов. Старайся не грешить, тогда с Божией помощью уменьшится и тревога о непрощении тебя Господом.

Не смей думать, что твои грехи так велики, что не стоит и

каяться. Кто принимает наше покаяние? Кто врачует наши греховные язвы? Всемогущий Бог. Заметь: Всемогущий! Всемогущий Врач! И как Таковой Он и прощение делает возможным для всех самых тяжких грехов.

Есть так называемые неисповеданные грехи, с которыми многие живут в течение многих лет, а может быть, и всей своей жизни. Все время есть желание открыть их духовнику, но слишком стыдно о них говорить, так и проходит год за годом. А между тем они тяготят постоянно душу и готовят ей вечное осуждение. О, как надо бояться нераскаянных грехов! Жизнь наша, по апостолу, что пар /Иак. 4, 14/ — сегодня мы живы, а завтра готов нам исход. Куда же мы там спрячем свои грехи? Должно стыдиться грехов, а не покаяния. Покаяние есть победа над самим собой, есть победный трофей, так что покаявшийся достоин всякого уважения и чести.

Знак совершенного покаяния — чувство легкости, чистоты, неизъяснимой радости, когда грех кажется так же труден и невозможен, как перед тем далека была эта радость.

Раскаяние не будет полным, если, каясь, человек не утвердится внутренне в решимости не возвращаться к тому же греху. Но скажешь: «Как это можно обещать, что я не повторю греха? Не правильнее ли думать, что, скорее всего, грех повторится по нашей немощи? Ведь и на опыте каждый знает, что через некоторое время неизбежно возвращаешься к тем же грехам, часто из года в год не заметно улучшения». Но на самом деле это не так! Не бывает случая, чтобы при искреннем покаянии и добром желании исправиться с верою принятое Святое Причастие не произвело в душе благих перемен. И трудно бывает самому судить о своем состоянии. Возрастающая требовательность к себе, строгость, усиливающееся духовное зрение часто создают впечатление того, что грехов стало больше и они усилились. Верующий начинает думать, что он стал еще греховнее, что болезни усиливаются, на самом же деле многое уже стало лучше, многое зло отвергнуто, но на его месте ранее незамечаемое выявилось, и борьба должна

продолжаться не менее усиленная.

Часто Господь по особому Промышлению Своему закрывает нам глаза на наши успехи, чтобы сохранить нас от тщеславия и гордости. Также и наоборот: чтоб не впали мы в уныние и решились начать борьбу с грехом, Господь не сразу нам попускает увидеть полную картину нашего грехопадения, которая крайне ужасна, но по мере преуспеяния открывает наши глаза. Грех может долго оставаться, но частая исповедь, причащение Святых Таин уже расшатали и ослабили его корни. Да и сама борьба с грехом, страдание от греха — разве это не приобретение?! «Не устрашайся — хотя бы ты падал каждый день и отходил от путей Божиих, стой мужественно, и Ангел, тебя охраняющий, почтит твое терпение», — говорит св. Иоанн Лествичник.

И даже если нет этого чувства облегчения, возрождения, надо иметь силы вернуться к исповеди, до конца освободить свою душу от нечистоты, мужественно извлечь все уродства, все скверны — без прикрытия, без украшательства, очистить ее от черноты и грязи. Стремящийся к этому всегда преуспеет!

Только не будем приписывать себе свои успехи, рассчитывать на свои силы, надеяться на свои возможности. Этим можно погубить все приобретенное.

«Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения...»; «Господи, даждь ми помысл исповедания грехов моих...»; «Рассеянный ум мой собери, Господи, и оледеневшее сердце очисти, яко Петру, дай ми покаяние, яко мытарю — воздыхание и яко же блуднице — слезы».

Аминь.

(Это поучение составлено на основе наставления священнослужителям о таинстве покаяния из «Настольной книги для священнослужителя». Изд. Московской Патриархии. 1979 и 1983 гг. Т. 3, приложение «Об исповеди», стр. 792-794. Т. 4, гл. 3, разд. 3, стр. 242-286.)

Глава IV

Краткий разбор наиболее распространенных в наше время греховных увлечений

В приложение к предыдущим советам и наставлениям о таинстве покаяния, видимо, необходимо более подробно остановиться на некоторых очень опасных и душевредных явлениях, которые распространяются именно в наши дни и многих губят, хотя, может, и не все современные христиане знают о том, насколько гибельны и недопустимы эти увлечения. Необыкновенно широко стала разливаться такая бедственная стихия, как западная роккультура со всеми ее разветвлениями и проявлениями.

Увлечение рок-музыкой

Крайне разрушительно и пагубно влияние на душу христианина джаз-музыки, рок-музыки, панк-музыки, диско-музыки и т. д., форм и явлений современной популярной музыкальной культуры, которая не ограничивается только областью искусства, но затрагивает все стороны, все мельчайшие детали жизни современной молодежи. Эта культура постоянно изменяется, как хамелеон, подстраиваясь ко всем оттенкам настроения новых поколений, меняет наименование своих «новых» стилей, даже как будто иногда отвергает вчерашнее и бунтует против самой себя, чтобы этим только оживить интерес и вкус к тому же самому, суть же ее все та же. Это

явление крайне отвратительно и оскорбительно для каждого хоть сколько-нибудь благочестивого человека, тем более неприемлемо для христиан. Само появление рок-н-ролла воспринималось на Западе как начало сексуальной революции молодежи. Весь путь, по которому прошла и идет эта разрушительная «культура», направляя короткой дорогой огромные толпы молодых людей в кромешный ад, покрыт срамом самых гнусных, самых страшных смертных грехов: это всевозможные блудные извращения, полная «свобода любви», то есть отвержение всякого стыда, полная распущенность всех самых низменных страстей и похотений, это наркомания, приводящая часто к самым ужасным последствиям, это смертные случаи от чрезмерных доз наркотиков, случаи насилия, самоубийства и т. д., не говоря уже о самых безумных злохулениях, которые встречаются в песнях, в вызывающих заявлениях рок-звезд и которыми пропитана вся черная философия этой «новой культуры». И при всем этом здесь часто произносится имя Господа Иисуса Христа, нередко можно встретить изображение креста и лика Господня, но это только еще более должно ранить сердце христианина, видящего такое насмешничество над святынями. В песнях встречаются богохульные выражения, иногда явный сатанизм. С целью развратить окончательно сознание молодежи и распространить демоническое влияние во многие записи вложены так называемые «подсознательные сообщения», то есть страшные слова, призывы, заклинания, которые можно обнаружить при прослушивании записи в обратном порядке. Исследования показали, что подсознание улавливает такую фразу, услышанную наоборот, и может расшифровать ее, даже если она сообщена на языке, не известном слушающему. Сообщения, передаваемые в рок-н-ролле подсознательным образом, имеют такого рода содержание: а) всевозможные виды половых извращений, б) призыв к бунту против установленного порядка, в) побуждение к самоубийству, г) подстрекательство к насилию и убийству, д) посвящение сатане.

Чтобы нагляднее показать весь дьявольский, прямо из бездны сатанинской исходящий дух этой «рок-религии», приведем не-

сколько характерных фактов из бесчисленного множества таковых, которые сами все скажут:

Сам термин «рок-н-ролл» был придуман одним жокеем дискотеки Кливленда. Это выражение описывает два движения человеческого тела во время сексуальных забав, взято оно из арго американских гетто. *Бит-музыка. Бит* — это непрерывное повторение регулярных пульсаций в сочетании с укороченными ритмами, которое обеспечивается ударником и басовой гитарой, что и характеризует ритм рок-музыки. *Жесткий рок* — здесь бит действует так, что возбуждает половые инстинкты. *Едкий рок* — здесь бит воспринимается так, что улучшает реакцию нервной системы и мозга на различные галлюциногенные наркотики. *Дурной рок* — сильно возбуждает инстинкты, связанные с насилием, убийством и бунтом. *Сатанинский рок* — начало этого направления было положено битлами, когда они выпустили в 1968 году свой дьявольский «Белый альбом». Впервые появились подсознательные сообщения для передачи «евангелия от сатаны». *Панк-рок* — цель и философия его заключаются в том, чтобы привести аудиторию непосредственно к коллективному насилию, систематическим преступлениям, самоубийствам. *Панк* — вполне приемлет и включает в себя поступки примерно такого рода: например, во время концерта нанести партнеру кровавую рану лезвием бритвы, вшитой в джинсы или рубашку, и затем уже раненого — избить браслетом, покрытым шипами.

До этого дошел рок-н-ролл уже в 1985 году (словом «панк» в Англии изначально назывались проститутки обоих полов. Поздний перевод его — «подонок»).

Стиль музыки *диско* возник в Нью-Йорке в 1973 году в среде американских гомосексуалистов. Статья в «Дейли Ньюз» в 1978 году так анализирует феномен диско: «Будучи изолированными друг от друга оглушительной музыкой, купаясь в ослепительном свете, танцующие делают все что им приходит на ум, без того, чтобы посмотреть на себя со стороны или даже отдать себе в чем-либо отчет, как если бы каждый двигался перед зеркалом,

непрестанно крича: "Я! Я! Я!"».

Примечательно, что все производители рок-н-ролла являются членами сатанинской «церкви», а большинство рок-групп приписаны как члены той или иной люциферовой религии. Когда они выпускают пластинку или когда им предстоит спеть новую песню, они просят первожрецов или первожриц их храма околдовать эти произведения, с тем чтобы те обрели успех. По окончании ритуалов посвящения, когда на пластинку накликано по огромному количеству демонов, им вменяется в обязанность производить определенное воздействие на тех, кто будет слушать ее.

Элвис Куппер явно заявил о том, что он вступил в сговор с демоном и это принесло ему признание.

Мик Джагер из «Роулинг Стоунз» был посвящен сатане и во все ритуалы черной магии. Он сам лично называл себя «воплощение Люцифера». Заглавия трех из его песен явно подтверждают это: «Симпатия к дьяволу», «Их сатанинским величествам», «Заклинания моего брата демона».

Элтон Джон заявил, что он никогда не сочинил и не спел ни одной песни, которая до того не была бы написана на языке колдовства.

Джон Леннон заявил во время публичного исполнения «Белого альбома»: «Христианство пройдет. Оно съежится и исчезнет. Я прав, и моя правота будет доказана. Сейчас мы более популярны, чем Иисус Христос. Я не знаю, что уйдет первым — рок-н-ролл или христианство».

В песне группы «Битлз» под названием «Революция номер девять» на пластинке слышится запись слов: «Номер девять», повторяемая двенадцать раз. Прослушивание этого места в обратном направлении дает фразу: «Доставь мне сексуальное наслаждение, мертвый человек».

В хорошо известной среди молодежи песне группы «Лед Зеппелин» «Лестница в небо» слова третьей строфы содержат подсознательное сообщение, при обратном прослушивании ясно слышится: «Мне надлежит жить для сатаны». Слова «и еще есть

время сменить тот путь, по которому вы идете» при обратном прослушивании дают «мой милый сатана, никто другой не проложит мне путь».

В песне «Когда в Арканзас пришло электричество» группы «Блэк Оук Арканзас», записанной со сцены, одна из частей представляет набор бессмысленных слов и завываний всей группы. При проигрывании записи этого места в обратном порядке получается «сатана... сатана... сатана... он бог, он бог, он бог», после чего слышится демонический смех.

Сами пакеты для пластинок оформлены крайне небезобидными изображениями: экзотическими и эротическими, сатанинскими и садистскими картинками, рекомендациями и символами, здесь можно видеть перевернутые треугольники (символ дьявола и адской бездны), пирамиды, пентаграммы, гексаграммы, магические круги и все многообразие колдовских символов, фаллических, вагинальных (таких, как 666 или перевертыш 999), сцены человеческих жертвоприношений, черных месс, адских представлений.

В 1981 г. 90% проданных во всем мире пластинок составляли рок-диски (130 млн. в год, не считая 100 млн. рок-альбомов). Итак, этот феномен почти поголовно коснулся всех подростков обоих полушарий мира.

Еще одна деталь: почти все рок-концерты сопровождаются многочисленными жертвами — из-за огромного скопления безумствующей толпы многие бывают просто растоптаны или удушены в давке, погибают от больших доз наркотиков. Например, 650 молодых людей погибло во время одного из концертов в Лос-Анджелесе. Поскольку холодильники морга были уже заполнены, то тела 650 жертв рока были размещены по обеим сторонам коридоров, ужасный запах смерти наполнял здание, тела не могли быть опознаны, так как молодые люди эти в основном были из покинувших родительские дома. В уши журналистки Джуди Аргазони, которая вела репортаж с места происшествия, сатана стал нашептывать такие слова: «Вот они! Смотри на них внимательно, они мои трофеи! Это зал для пред-

ставления моих трофеев!»

А вот слова из песни «Адские колокола» группы жесткого рока «АС/ДС»:

Я грохочущий гром,
изливающий дождь,
Я прихожу, как ураган,
Мои молнии сверкают
по всему небу.
Ты еще молод, но ты умрешь!
Я не буду брать пленников,
Я не пощажу ничьей жизни,
И никто не воспротивится мне!
Я обрел свои колокола,
И я возьму тебя в ад!
Я обрету тебя!
Адские колокола.
Да! Адские колокола!

Итак! Не назвать ли весь этот адский шум, крики, вопли, завывания выпущенных на свободу страстей, извращенных похотений, неконтролируемых движений падшей воли человеческой, не назвать ли весь этот рок-поп-бит-хард-панк-кошмар «адским колоколом», который судорожно зазывает со всех концов земли своих поклонников на этот черный шабаш (такое название прямо носит одна из групп сатанинского рока «Блэк Саббат»), где люди вместе с бесами пляшут лихорадочно последний танец перед закатом этого окончательно отдавшегося погибели мира? В одной средневековой легенде говорится о флейтисте из города Гамелльна, который с помощью колдовской игры на флейте избавил город от крыс, но, не получив платы, той же сладкой музыкой увел из города всех детей и увлек их в расщелину скал, откуда они уже не вышли.

Недопустимо думать, что христианину можно все-таки иногда кое-что слушать из такой музыки, выбирая более или менее «безобидное», и тешить этим свой слух. Нет! Не собирают с терновника винограда! Злое дерево не приносит добрых плодов! Дерево, корнями своими пьющее соки адовой бездны, не может приносить безвредных плодов. Можно ли христианину иногда ради развлечения и для разнообразия пообщаться с дьяволом? Или поплясать под одну дудку с бесами?

Итак, даже самое «легкое» увлечение православного христианина рок-культурой есть измена своей вере, есть явное оскорбление своего Господа, удаление от Него, есть пагубная прелесть, общение с духами тьмы, заигрывание с сатаной! Спеши исповедовать такое увлечение и не имей более к сему отношений!

(Использована статья католического священника Жан-Поля Режимбаля «Рок-н-ролл».)

Наркомания

В наше ужасное время открылась еще одна широкая дорога в ад — наркомания. Об ужасных последствиях этой болезни для психического, нравственного, физического состояния человека здесь напоминать излишне, так как сегодня все достаточно об этом осведомлены. Но вот как с христианской точки зрения можно видеть это зло?

Во-первых, наркомания очень близко стоит к страшному греху — самоубийству. Кроме того, это явление зла очень близко к таким, как колдовство, черная магия, спиритизм, то есть это общение с «потусторонним миром», духами тьмы, подчинение их влиянию. Почти все поколения колдунов пользовались подобными «зельями» для достижения соответствующих состояний «утонченности», для более беспрепятственного общения со своими «богами», на деле же — демонами. Само произволение человека к принятию такого вещества, желание испытать сильное необычное, непостижимое состояние или прикоснуться через это к неизвестному таинственному миру — это уже добровольное приглашение духам тьмы воспользоваться его чувствами, возобладать над его душой, лишь бы только это было чем-нибудь «интересненьким», приятным, необыкновенным. Мы, христиане, знаем, как бесы всегда желают и стараются нас прельстить, то есть завлечь сладкой ложью своей; каждому малоопытному в духовной жизни начинают предлагать под видом аппетитных яств напитанные смертельным ядом плоды, каждое доброе начинание наше стараются уклонить в сторону лжедобра. Все свои козни, сети, капканы злые духи облекают в самые красочные

привлекательные одежды. Поэтому мы, христиане, стараемся быть очень недоверчивыми ко всем «сладким», «приятным», «особенным» своим душевным состояниям, не принимаем без тщательных проверок никаких «откровений», «видений», «просветлений», «явлений», «блаженных состояний» и т. п. необычайностей. Не доверяем и внезапным «сильным чувствам» и в покаянии, и в молитве, и в проявлениях вдруг горячей ревности, но во всем этом считаем возможным быть обманутыми дьяволом, потому очень хранимся и осторожничаем (ведь ошибка может привести к самому страшному, что только может быть — погибели души нашей!). При всем при том часто бываем прельщаемы и обмануты бесами. Что же происходит с теми, кто жаждет и ищет именно таких сильных, ярких, приятнейших ощущений, новых и новых, более необычных переживаний, видений, «откровений», «представлений»? Такой человек вскоре попадает под всецелое влияние злых духов, становится их рабом — и телом и душою. Эти бесы будут его развлекать до тех пор, пока человек совсем не погрязнет в страсти наркомании, когда он станет уже как бы не самостоятельной личностью, а жалким придатком наркотического вещества, когда в центре его жизни будет только одно желание — опять войти в то «царствие», которое открывается через наркотик. Такой человек начинает жить в несуществующем мире, состоящем из «розового тумана», но затем демоны лишают несчастного и этого утешения, потребность же принять «вещество» усиливается, дозировки растут, без него все труднее жить, а ощущения теряют свою первую «прелесть», угасают, и постепенно из этого «розового облака» все яснее просматривается жуткая ухмыляющаяся рожа дьявола. Тогда он начинает грубо насмехаться над своей жертвой, более не льстит и не ласкает ее, а безжалостно топчет и начинает навязывать мысль о самоубийстве, ведь его конечная цель — окончательно заполучить душу. Самоубийство есть самая любимая ядовитая снедь, которую дьявол предлагает напоследок своим избранникам.

Сочетание же наркотических опытов над своей душой с рок-музыкой (или ей подобными формами современных демо-

нических культов) дает полный комплект упражнений для скорейшего достижения дна погибельной пропасти. Вот только один пример, каких высот умопомрачения можно достичь, воспользовавшись «передовыми» достижениями современной молодежной «культуры»: на Западе стали наблюдаться такие жуткие происшествия — некоторые молодые люди из среды хиппи, наркоманы, дошедшие до самой крайности безумия под воздействием сильных веществ, вызывающих галлюцинации, жаждущие все новых более и более острых ощущений и уже не находящие удовлетворения в «обычном» своем «путешествии в нирвану», кончали жизнь самоубийством, но как! Они взбирались на крыши огромных небоскребов, там вводили себе смертельную дозу сильнейшего наркотика и тут же бросались с высоты здания на землю. Действие препарата начиналось во время падения, человек испытывал какие-то фантастические чувства, смерть от сильной дозы тоже настигала его еще в воздухе — на землю падало уже мертвое тело... Появились даже рок-песенки, в которых воспевается подобный вид «подвига» самоуничтожения, «высший пилотаж» при полете в ад...

С чего же начинается наркомания?

Сегодня, когда почти каждый молодой человек с раннего детства познает многие тяжкие грехи, со всех сторон окружен отступничеством от Христа, далек от святой Церкви, он неизбежно испытывает тяжкое внутреннее состояние: душа его как бы придавлена каменной глыбой — нераскаянными грехами; нет достаточной веры, христианского знания, чтобы обратиться за помощью к Господу, искать в молитве, в таинстве покаяния облегчения, исцеления, освобождения от этой тяжести. Постоянное чувство внутреннего «дискомфорта» побуждает искать средство полегче, которое бы сняло эту тяжесть, дало возможность уйти от тугих, душащих нитей, стягивающих душу (действия нераскаянных грехов), укрыться от томящих, скребущих сердце угрызений совести, найти какой-то иллюзорный, фантастический мир, где нет ни забот, ни скорбей.

Мы, христиане, знаем наверняка, какой мир истинно вожделен душе, и он вполне реален, гораздо реальнее этого видимого мира. То место «светло, злачно, покойно, от него удалены и болезнь, и печаль, и воздыхание» (так говорится об этом в молитве священника за усопших). Это место есть — Царствие Небесное, благовествовать которое и приходил на землю Господь наш Иисус Христос и которое откроется при втором Его пришествии, когда уже Он придет судить живых и мертвых. Это Царствие — вечное! И мы, христиане, чаем этой жизни будущего века, готовимся к ней, о ней только и должны иметь попечение, ради этого готовы терпеть здесь — в этой временной, преходящей жизни — и скорби, и печали, и всякий «дискомфорт». Мы знаем, что вход туда только для тех, кто пронес свою душу неоскверненно через все отчаянные напасти века сего прелюбодейного, мужественно, трезво, рассудительно, без малодушия и самосожаления, кто честно отвергал всякую вражескую прелесть, всякое ухищрение бесовское, всяческим хранением хранил свое сердце, искал одну правду, Вечного, Истинного Бога, не принимал за истину жалких подделок, не променял вечного блаженства на чечевичную похлебку (как променял Исав свое первородство брату своему Иакову. — Быт., гл. 25).

А наркоман продает душу свою, вечность — за «воздушный дворец», за «розовый туман». Ему уже трудно возвращаться из его фантастического мира, где так «покойно», в мир сей, где идет постоянная борьба, драка за жизнь, битва между небом и адом. А он хочет быть в стороне, как дезертир, — во время боя думает спрятаться под каким-нибудь укрытием и забыться глубоким сном, не видеть, не слышать происходящего. Но нет, не избежать битвы за свою душу, не избавиться от решительных действий! Чем скорее очнется человек от этого дурмана, чем скорее стряхнет с себя этот гипноз, колдовское очарование, тем легче ему обратиться к истине, к Господу своему.

Состояние человека в таком глубоком демоническом плену похоже по мрачности своей и удаленности от Света на состояние пророка Ионы во чреве морского чудовища на дне водной безд-

ны. Как бы и не жив человек и не мертв — тело еще живое, а душа уже «по ту сторону мира», частью уже среди бесов в аду. Пророк Иона вопиял: *Объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня; морскою травою обвита была голова моя. До основания гор я нисшел, земля своими запорами навек заградила меня; но Ты, Господи Боже мой, изведешь душу мою из ада* /Иона 2, 6-7/. Подобен несчастный жалкой мухе, опутанной липкой паутиной, и паук уже бежит к своей добыче, чтобы высосать ее внутренности.

Как можно решительнее надо приступать к врачеванию этой болезни!

Современная магия

Не должен находиться у тебя... прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых. Ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это.../Втор. 18, 10/.

Мужчина или женщина, если будут они вызывать мертвых или волхвовать, да будут преданы смерти; камнями должно побить их, кровь их на них /Лев. 20, 27/.

Так строго заповедал Господь Ветхозаветной Церкви относиться к колдовству, к волхвованию, спиритизму и подобному злу, в Новозаветной же Церкви постановлено Духом Святым:

«Волсви убо суть, иже негли благотворныя бесы призывают, аще и в благая некия вещи составления, скверноубийцы суть вси и лестцы произволением», «Аще кии ходят к волхвом, и волхвуют, или звездословят или... (совершают т. п. грехи) — шесть лет да не причастятся», «Чародей, сиречь, волхв и прорицатель... двадесят лет да не причастится...», «Глаголет же святый Иоанн Златоуст: яко аще и Святыя Троицы имя глаголется на сицевых, аще и святых будут призывания, аще и знамение крестное наводится (этими колдунами. — Прим. сост.), бежати подобает сицевых и отвращатися» (из Законоправильника /Номоканона/).

В наше время все эти злодеяния распространились небывало

(хотя большинство неграмотных в духовной жизни людей считало их уже пережитками далекого прошлого и скорее сказочной выдумкой). Но вот те же колдуны, маги, волхвы, заклинатели, шептуны, ворожители в современных костюмах переносятся на самолетах и поездах из города в город, из столицы в столицу, везде принимаемые с неслыханным почетом и уважением, распространяют свои волхвования и чародейства на огромные пространства мира, пользуясь телевидением, радиовещанием, через газеты и брошюры, рекламные проспекты, широким размахом «нелегкой» руки сея духовную смерть, гипнотизируют души, пленяют их в рабство сатане, пополняют войско антихристово, готовят ему армию. А люди уже стали так слепы духовно; теперь великое множество наших братьев и сестер по вере принимают этих служителей сатаны за своих «благодетелей», «целителей», «учителей». Десятки миллионов людей периодически открывают себя для совершенно неизвестного им воздействия, о происхождении и последствиях которого они не имеют даже отдаленного представления. Люди подвергают себя самым изысканным и далеко идущим психологическим и оккультным опытам, влиянию опаснейших сил духовного, психического мира.

Наименования современных оккультных, спиритических, медиумических опытов уже иные, чем в прошедшие времена, суть же их та же (но, пожалуй, коварнее — злые духи совершенствуются во зле, накапливая опыт губительства душ), но прикрывается научными терминами, ничего не говорящими о их связи с какими-либо религиозными системами или духами. «Экстрасенс», «биополе», «активное психическое поле», «психическая энергия», «астрал», «харизматическое возрождение», «микрокосм», «микротеос» и т. п. слова, и нет ни слова о тех существах, которые и без всяких долгих изысканий и усилий бедного человека, и без особых потуг его разума готовы отвесить ему любое количество чудесностей и небывалых фокусов, требуя только одного: доверия и внимания к себе и к своим служителям и презрения к голосу св. Церкви. По единодушному мнению св. отцов, именно вниманием человека стараются завладеть бесы: это единственная дверь, через

которую они могут проникнуть в душу. Теперь же большинство людей имеет в своем доме коварного очарователя — им становится телевизор, когда по нему транслируется сеанс телемагии. Даже самое поверхностное внимание к передаче делает человека жертвой духовного насилия и духовного грабежа.

Ничто духовное не бывает безличным: или оно Божие, или же сатанинское. Те духовные явления, которые от Бога, характеризуются совершенно ясными и определенными чертами: это учение о покаянии, об истинной вере, о смирении, о вечной жизни. Там, где всего этого нет, там действует дух бесовский, какими бы различными названиями он себя ни прикрывал. Если исцеляющий силою Божией всегда требует от своего пациента осознанной, правой веры, усилий для жизни по этой вере, то все бесовские «целители», будь то обычные деревенские колдуны, индийские йоги и факиры, современные экстрасенсы, «обладатели сильного биополя» и даже пятидесятники и прочие сектанты, прикрывающиеся христианскими названиями, несмотря на свое разнообразие, сходятся в одном: ни ясной осознанной веры, ни усилий для жизни по этой вере они не требуют, а требуют, чтобы человек, забывшись, расслабившись, предал себя в водительство тому духу, которым они действуют. Четкую, ясную веру они считают пережитком, достойным только средних веков, но не современности. Они учат, что верить можно во все что угодно, а жить и исцеляться необходимо по их рецептам. Их духовные методы в отличие от истинных, христианских, — это чистая техника, необдуманное повторение определенных магических формул, заклинаний, использование определенных «заколдованных» веществ, «заряженной биополем» воды, использование определенных положений тела, других чисто физиологических упражнений, при непременном расслаблении ума и воли и полной отдаче себя под руководство бесовского духа.

Дьявол есть отец лжи, и слуги его внушают людям прежде всего совершенно неправильный и ложный взгляд на себя. Они учат о скрытых человеческих возможностях, которые якобы есть у

людей и их надо только раскрыть в себе. На самом же деле — все духовные возможности и способности человека есть не что иное, как плод деятельности того или иного духа, живого, личного, самостоятельного, бесплотного существа, а человек-то сам по себе в своей падшей, поврежденной грехом природе настолько немощен и ничтожен, что может только принимать или отвергать действие того или иного духа, выбирать, с каким духом ему быть: с Богом или с сатаною. И если Спаситель прямо и ясно говорит: *без Меня не можете творить ничего*, то бесы и их приспешники твердят о великих духовных возможностях человека. В противоположность христианскому смирению, правильному, самоуничиженному взгляду человека на себя, они внушают людям гордость и самомнение, зная, что это лучше всяких убеждений и даже лжечудес отведет человека от Бога, приведет его к вечной погибели.

Человек, обращающийся за помощью к колдунам, теряет интерес к Священному Писанию, он начинает интересоваться разными пересказами о чудесах и видениях, происходящих там или здесь по действию каких-либо новоявленных «чудотворцев», жаждет чего-нибудь подобного и в своей жизни, все же учение Церкви святой становится ему чуждым, непривлекательным, тягостным, у такого человека отмирает в сердце покаянное чувство, он не видит своих грехов. Дальше для втянувшегося в такую «мистическую наркоманию» может начаться худшее: явления бесов, всякие ощущения их явного присутствия, чувственное, телесное страдание от них, психические и эмоциональные расстройства, жесточайшие депрессии и наконец самоубийства или злодеяния, совершенные под влиянием демонических сил. Но самая большая опасность — вечная погибель души, если человек не оставит общения с духом злобы и не покается.

Хотя колдуны используют теперь христианскую терминологию, даже некоторые берутся лечить только крещеных, но это лишь уловки, «овечьи шкуры» на волках: где нет проповеди покаяния и учения о вечной жизни, там и быть не может ничего церковного, ничего христианского, ничего Божиего. Самые «молит-

вы» колдунов нисколько не похожи на церковные, но исполнены всякой темноты, загадочности, мрака и явной бессмыслицы. *Бог есть свет и нет в Нем никакой тьмы* /1 Ин. 1, 5/, где всякая тьма, там Бога нет!

Бывает, что эти колдуны облегчают болезни или являют какую-либо другую «чувствительную помощь», но это происходит по пословице: «голову вытащили — хвост увяз». Только они одно излечат, другое заболит, человеку становится то лучше, то хуже — и он ходит и ходит к таким «целителям»-губителям, попадая под сильнейшее влияние бесов. С бесовскими «лекарями» не следует даже шутить и любопытствовать о них, нельзя «ради интереса» ходить к гипнотизерам и смотреть телесеансы подобных опытов. Малейшее внимание, даже еще и без сочувствия ко всякой бесовской «кухне», может иметь для нас роковые последствия и в этой, и в будущей жизни. Само такое «любопытство» — это уже тяжкий грех против христианской веры и совести, оскорбление Всемилостивого Отца Небесного, презрение и неблагодарность к Нему.

(Составлено по статьям священника Т. Алферова «Об исцелении души и тела» /серия «Не участвуйте в делах тьмы». Вып. I. СПб. 1990/ и Г.Шевкунова «Не участвуйте в делах тьмы», ЖМП. 1989. №12.)

Восточные культы

В наш век особенно усилился еще один лютый враг христианства, который жаждет, если б мог, пронзить самое его сердце, враг коварный, льстивый и весьма преуспевающий в своем зле, — это индуизм и иные восточные культы. Как никогда распространяется влияние восточных идей в некогда христианских странах, особенно волна их захлестнула Америку, но теперь этими учениями заразилась молодежь почти во всем мире. Среди современного поколения необыкновенно популярны восточные «мудрецы», индийские гуру, тибетские ламы, японские учители дзен-буддизма и т. п. наставники восточных религий, которые уже ста-

новятся «местными» и в нашей стране вслед за Западом, давно плененным ими. В последние времена эти явно враждебные христианству учения стали старательно скрывать свою враждебность, заменяя терминологию, говоря о единых целях всех религий, внушают всем, что разногласия между верами только внешние, суть же их одна, все они истинны и должны обогащать одна другую, а не отрицать. Учители подобного направления стремятся усиленно вовлечь в свое безумие и христиан во всем мире, именно на нашу веру и покушаются они прежде всего — для этого избирают слабые стороны современных христиан, изобретают разные обманы и хитросплетения слов, чтобы соблазнить ими насколько возможно и верных. Коротко рассмотрим здесь основные черты распространенных ныне учений. При этом они каждый день могут менять термины и некоторые формы обрядности, менять свой вид и цвет, как хамелеоны, подстраиваясь под дух времени, лишь бы соблазнить большее число душ, — суть же и цель всех этих «духовных» сетей и ловушек всегда одна: увести человека от познания Истинного Бога, от покаяния, любой ложью достичь прелестного «покоя» и безблагодатного «блаженства», усыпить и успокоить совесть без исповедания грехов, отвести от переживания, осознания своего падшего состояния, сокрыть истинное болезненное положение души, создать иллюзию «духовного» и физического здоровья, счастья, на самом же деле оставляя человека в состоянии обреченности на вечную смерть. Все эти учения есть духовный наркоз, который не лечит, но отнимает чувство боли (а ведь боль есть напоминание уязвленного организма о своей болезни, прошение его о врачебной помощи, не будь ее — болезнь оставалась бы незамеченной и развалилась бы беспрепятственно).

Восточные религии внушают больному человеку, что он здоров, пробуждают в нем веру в свои совершенство и божественность, питают гордыню, по действию злых духов щедро одаривают его самыми изысканными и приятнейшими «духовными утешениями», «видениями», переживаниями «блаженств», «покоя», «мира» и «бесконечности». Все это способствует широкому рас-

пространению этих верований. Вступающий на путь подобных религиозных опытов вскоре начинает ощущать на себе их явное действие, видит в себе многие изменения к «лучшему» — он, как ему кажется, становится спокойнее, увереннее в себе, бодрее, даже радостнее, примиряется с ближними и т. п., но это плоды глубокой прелести, дворец этот выстроен на ложном основании — на песке гордыни, самоупоения, лести себе, на обожествлении самого себя. Но этого обманутый человек никак не захочет принять, он видит только то, что эти упражнения «действуют» и действуют «прекрасно» — значит, «они хороши и истинны». К сожалению, наше православное учение о прелести, подробно и широко изложенное в писаниях св. отцов, так теперь мало известно «христианам» и так ими пренебрегается. В среде же еретиков — католической, протестантской, сектантской — этого учения и в помине нет, и сами они давным-давно состояния прелестные принимают за «чистую воду» христианства. Неудивительно, что такая среда не смогла дать достойного отпора нашествию восточных учений, но многое из них впитала и породнила себе. Православные же христиане в большинстве своем пока еще чувствуют и ясно сознают пагубность и враждебность такого мудрования, но и у нас уже много слабых верой и духовным рассуждением, не хранящихся сего зла.

1. Индуизм

Заманчивость индуизма играет всеми оттенками спектра: там есть все соблазнительное для любого чувства, привлекательное для любой слабости, но особенно для гордыни. Современный индуизм легко расправляется с теми вопросами и недоразумениями, которые вызывают сегодня у маловеров такие догматы Православия, как первородный грех, ад, вечные муки, которые современные люди никак не могут вместить в свои «гуманные» рассудки. Индуизм же дает «интеллектуально-удовлетворительные» альтернативы для каждой христианской догмы: ад, оказывается, «представляет собой только временное состояние души, навлеченное на-

шей собственной «дурной кармой» — прошлыми деяниями в этой или «прошлой» жизни — и, разумеется, конечная причина не могла бы иметь бесконечных последствий...», первородный грех превращается в «первородную божественность», человек — в «бесконечного сновидца, видящего конечные сны», проблема мук решается еще проще: боль — это «майя», или иллюзия, она в реальности не существует и т. д.

Современные индуисты стараются внушить, что нет никакой реальной разницы между индуизмом и христианством, что между ними нет никаких разногласий и добрый христианин должен бы стать еще лучшим христианином, изучая и практикуя веданту (мистический индуизм). Пытаются доказать, что Логос и крест в действительности ведут свое происхождение из Индии, а те идеи, которые присущи индуизму: перевоплощение, переселение душ и самадхи (транс) — можно найти и в христианских писаниях при условии «правильного» истолкования, что никакой разницы не существует, все «одно». Они укоряют христианство в том, что оно слишком дорожит своими догмами, что необходимо освободиться от «застывших догм», и тогда эти религии смогут обогатить одна другую.

К сожалению, не многие понимают, что сам индуизм есть также система догм, только противоположных христианству, — все, что почитают христиане или индуисты, вытекает из их догматов. А индуистские догматы — прямое отрицание христианских догматов, отсюда заключение: то, что христиане считают злом, индуисты считают добром, и наоборот: то, что индуисты считают злом, христиане считают добром. Самый страшный грех для христианина есть самое высшее осуществление добра для индуиста. Христиане всегда признавали гордыню главным грехом, источником всех остальных грехов. Отцом этого зла был Люцифер: *взойду на небо, я выше звезд Божиих вознесу престол мой... взойду на высоты облачные, буду подобным Всевышнему* /Ис. 14, 13-14/. На более низком уровне именно гордыня обращает достоинство человека в порок. А для индуиста вообще, для адвайтиста и ведантиста в особенности, единственный «грех» — это неверие в

то, что ты сам и человечество и есть Сам Бог. Один из современных проповедников веданты — Свами Вивекананда*) заявил: «Вы еще не понимаете Индии! Мы, индийцы, в конечном счете — человекопоклонники. Наш Бог — это человек! Доктрина мукти (спасение) заключается в следующем: человек должен стать божественным через осуществление божественного...»

Итак, догматы индуизма и христианства, поставленные лицом к лицу, отрицают взаимно друг друга во всем, что касается природы Бога, природы человека и смысла человеческого существования.

Индуизм — это не столько интеллектуальный поиск, сколько практическая система, и эта практика в прямом смысле слова — черная магия. Гуру предлагает ученику проверить философию на своем собственном опыте, и тот видит, что ритуалы индуизма и вправду действуют (по щедрому покровительству этому учению духов лжи), ученик может получить силы (сиддхи) — это такие способности, как чтение мыслей, силы исцелять или убивать, материализовать предметы, предсказывать будущее и т. д. — полный набор смертельно опасных психических трюков, и он непременно впадает в состояние прелести, в котором принимает наваждение за реальность, переживает «духовные опыты», полные безграничного «блаженства» и покоя, его посещают видения «божества» и «света». При этом ученик очень редко спрашивает гуру: откуда происходят его переживания и кто отпускает ему их в кредит — в виде «сил» и «прекрасных состояний», он не знает главного, что ему придется расплачиваться за все это ценой своей бессмертной души.

Множество «духовных» упражнений индуизма сводится к немногим практическим основам, это — идолопоклонство (поклонение изваянию или изображению «божества» с разными приношениями, курениями и иными ритуалами); «джапа», или повторение санскритской мантры, данной ученику при посвящении (то есть повто-

*) Вивекананда — монах-индуист, появился в Парламенте Религий в Чикаго в 1893 г., ставил целью обращение западного мира в индуизм, конкретнее — в учение веданты (мистического индуизма).

рение магической формулы — заклинания); «пранаяма» — дыхательные упражнения в сочетании с джапой. Есть и другие практические упражнения, относящиеся к тантре, или — поклонение «богу» как «матери» — женскому началу, силе, энергии, эволюционному и действенному. Они полны неприкрытого зла и достаточно отвратительны. Так, Свами Вивекананда говорил: «Я поклоняюсь Ужасной! Ошибочно полагать, что всеми людьми движет только тяга к наслаждению. Столь же многие имеют врожденную тягу к мукам. Будем же поклоняться Ужасу ради него самого. Немногие дерзали поклоняться смерти, или Кали. Будем же поклоняться смерти!» И вот еще слова Свами о богине Кали: «Есть еще кое-кто, кто смеется над существованием Кали. Но ведь сегодня она здесь — в толпе. Люди вне себя от страха, и солдаты призваны сеять смерть. Кто может утверждать, что Бог не может проявлять себя в виде зла, как и в виде добра? Но только индуист осмеливается поклоняться ему как злу!» Он заклинал свою богиню: «Приди, о Мать, приди! ибо имя твое — Ужас!», и его религиозным идеалом было «слиться воедино с Ужасной навсегда!..»*)

И вот такая целенаправленная деятельность зла практикуется с твердой уверенностью, что это — добро!

Смысл веданты, сообщенный Вивеканандой, заключается, главным образом, вот в чем: все религии истинны, но веданта — это самая высшая истина. Различия кроются лишь в «уровнях истинности». Человек не идет от заблуждения к истине, а поднимается от истины к истине, от истины, которая ниже, к истине, которая выше. «Сегодняшняя материя — дух будущего», «сегодняшний червь — завтрашний бог». Вся веданта зиждется на том, что человек есть бог. Так что спасение человека — дело рук самого человека. Вивекананда выразил это так: «Кто может прийти на помощь бесконечному? Даже рука, протянутая тебе из тьмы,

---

*) Богиню Кали, как одно из самых популярных божеств индуизма, изображают среди необузданного кровопролития и резни, с ожерельем из черепов и отрубленных голов, с гротескно высунутым языком, жаждущим еще крови; в индуистских храмах ее ублажают кровавыми жертвами, убивая козлов.

должна быть твоею собственною рукой».

Современные индуисты будто равно уважительно относятся ко всем религиям и желают объединиться с каждой, «молясь в мечети с магометанином», «поклоняясь огню с зороастрийцем», «преклоняя колени пред крестом с христианином», они считают, что будто «все религии от самого низкого фетишизма до самого высокого поклонения «абсолюту» — это всего-навсего различные попытки осознать «бесконечное», думают, что они «собирают эти цветы и, связав их вместе нитью любви», создают из них «дивный букет поклонений», но при этом все религии оказываются только ступенями к «наивысшей религии» — адваита веданте. Индуисты особенно презрительно относятся к христианству, которое считают «низкой истиной» — дуалистической (так Вивекананда в частной беседе заметил, что «только трус подставляет бьющему другую щеку»).

Веданта провозглашает полную свободу для каждой души «быть самой собой» и отвергает какое бы то ни было различие между священным и мирским.

Цель индуизма — создание вселенской (универсальной) религии, цель, весьма желанная дьяволу, дающая ему возможность подставить этой лжерелигии лжебога — антихриста — и в лице его добиться наконец поклонения себе как богу всего мира. Такая вселенская религия не может признавать «индивидуалистических, сектантских» идей, она не желает иметь с христианством ничего общего. Эта «религия грядущего» будет опустошительным пожаром, пожравшим христианство. Если христианин согласится с утверждением индуистских проповедников, что различия у них с нами только кажущиеся, а не реальные, тогда индуистские идеи получат свободный доступ в его душу; развращающая же сила индуизма непомерна — она приводит к самому порогу поклонения злу.

Горе тем, которые зло называют добром, и добро — злом, тьму почитают светом, и свет — тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое — горьким! Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны пред самими собою! /Ис. 5, 20-21/.

2. Йога

Индийская йога — учение, рекомендующее довольно аскетический, подчиненный дисциплине образ жизни, — состоит в управлении дыханием и в определенных физических позах, которые приводят к состоянию расслабления, способствующему медитации, при которой обычно применяется мантра, или священное изречение, помогающее сосредоточиться. При этом йога ставит цели духовные (!), а не только физические, как достижение телесного здоровья и красоты. Чаще всего тем, кто приступает в наше время к подобным занятиям, ничего не сообщают о сверхъестественном, а лишь о здоровье, о физическом и нравственном совершенстве. Более того, все мистическое и оккультное отрицается. Но потом, спустя время, «продвинутым», перспективным и надежным ученикам открывают эзотерическое, тайное учение. Но и такой — «телесный» — уровень упражнений йогой формирует определенные духовные воззрения и готовит человека к духовным переживаниям, о которых тот пока не догадывается. Большинство изучающих это учение так и остается на уровне экзотических упражнений, индуистского жаргона и сознания своей значимости «в космосе». В этом последнем пункте и сосредоточены истинные эзотерические цели начального посвящения: сознание собственной значимости — вот что внушается человеку вместе, конечно, с непременной заботой о здоровье, а также «любовью к людям», сопровождаемое учением о каком-то абстрактном и расплывчатом «добре» и «нравственности». Но для христианина «сознание собственной значимости» есть проявление сатанинской гордыни, которая сжигает и превращает в ничто всякое доброе начинание.

В последнее время становится все популярнее так называемая «христианская йога» — попытки использовать приемы йоги для «христианской» медитации, сделать человека «раскрепощенным, удовлетворенным», пассивным, «восприимчивым к духовным идеям и впечатлениям». Занимающиеся ими описывают «необычайные ощущения покоя», «прекрасное самочувствие», «эйфорию» («бла-

женство»), «ощущение полного здоровья», «удовлетворенность, заполняющую тело и душу и предрасполагающую к духовной жизни», «легкость», «повышенную податливость и восприимчивость к раскрытию личных отношений между Богом и душой», «сладостную молитву, охватывающую всего человека», «чувство трепетного ожидания прикосновения "Святаго Духа"»; «чувство возрастающей жажды праведности, возрастания, приближения к Богу» и т. п. Любой понимающий природу прелести (духовного заблуждения) поймет, что в этих описанных чувствах присутствует именно отступление от верного пути, уклонение в сторону сектантских «христианских» опытов и даже — языческих: то же стремление к «святым и божественным» чувствам, та же открытость и готовность быть «восхищенным» неким духом, те же поиски не Бога, а «духовных утешений», то же самоопьянение, которое принимается за «состояние благодати», та же невероятная легкость, с которой человек становится «созерцателем» или «мистиком», те же «мистические откровения» и псевдодуховные состояния — это общие признаки тех, кто впал в прельщенное мнение о себе.

Сбитые с пути и полные гордыни, современные искатели духовных истин более всего подвержены прелести. Нападение на нас восточного мракобесия и преуспеяние его обязаны многим такому ложному мистицизму. И как эти лжеучения соблазнительны ныне для молодых людей, особенно для тех, кто употреблял наркотики и которым уже знакомы опыты подобного рода.

3. Дзен-буддизм

Очень сходен с техникой индийской йоги, из которой он в конечном счете и произошел. Здесь есть и та же поза, и методика дыхания, и повторение священного имени в сочетании с другими приемами, своеобразными и свойственными только дзен. Цель этих приемов точно такая же, как и в йоге: исключить рациональное мышление и достигнуть состояния спокойной безмолвной медитации, проникнуть в «центр собственного существа», «лишенные образов и звуков созерцания», в «глубокое и прекрасное цар-

ство психической жизни», в «глубокую внутреннюю тишину». Достигнутые таким образом ощущения несколько напоминают ощущения наркомана.

В наш больной век становится возможным и такое противоречивое явление, как «христианский дзен». Его проповедники говорят об обновлении христианства, они лепят к своему учению наставления православных отцов-подвижников, говорят, что и они ведут также к состоянию «созерцательного безмолвия и покоя», рекомендуют желающим повторение Иисусовой молитвы во время дзеновской медитации...

Какое множество в сегодняшнем мире введенных в заблуждение, искренно считающих себя пророками, несущими собратьям своим благо, не догадывающихся, что влекут их к психической и духовной погибели!

Из всех современных восточных учений дзен, возможно, — самое интеллектуально-изощренное и духовно-трезвое учение: его идеи о сочувствии и о любви к «космическому Будде», быть может, — самый высокий религиозный идеал, которого может достигнуть человеческий разум, но без Христа. Трагедия дзен в том и заключается, что в нем нет Христа, а значит — нет спасения, и сама его изощренность и трезвость препятствуют последователям этого учения искать спасения во Христе.

Дзен фактически не имеет теологического фундамента, он опирается на «опыт», и таким образом впадает в то самое заблуждение, что и индуизм: если нечто действует и приносит «мир» и «гармонию», значит оно истинно и хорошо! Дзен обращается к тонкой гордыне тех, кто полагает, что может сам себя спасти и поэтому не нуждается ни в каком спасителе, кроме самого себя.

В последнее время уже появляются новые дзен-буддистские монастыри, где очень серьезно и глубоко изучают эту религию. Даже обсуждение «духовных» вопросов дзен-монахами удивительно напоминает дискуссии между серьезными православными мирянами и монахами, воззрения их выглядят убедительно искренними. Казалось бы, такой дзен-буддизм может дать сегодня

почти все новообращенному религиозному искателю наших дней, за исключением Христа, Истинного Бога и вечного спасения, которое лишь Он один может даровать.

Возвращаясь к конечной цели распространения в наши дни восточных культов — созданию универсальной религии, дзен здесь, видимо, должен сыграть немалую роль. Итак, пусть нам послужит предостережением: религия будущего будет не просто культом или сектой, но могучим и глубоким религиозным течением, которое будет абсолютно убедительно для ума и сердца современного человека.

Можно привести множество других примеров восточных культов, каждый год приносит перелицовки старых учений, но сказанного, думаем, достаточно, чтобы понять, что кришнаизм, различные виды медитаций, йоги, разные «мирские культы самосознания» и многое множество их разновидностей — все эти движения и поиски «духовности» не имеют ничего общего с христианской традицией, но являются продуктом восточных языческих религий и современного спиритизма. Православным христианам категорически запрещается соприкосновение с ними! Нарушение этого запрета крайне пагубно, так как «духовные» переживания и таинственные «прекрасные ощущения», которые дают эти разнообразные медитации, — это вступление в «космические духовные области», где глубинные стороны человеческой личности вступают в контакт с настоящими духовными существами — демонами, падшими духами, которые всегда, как рой ос, вьются вокруг человека, ища его преткновения. «Посвящение» в опыты духовного мира вовлекает человека в нечто неподвластное сознательному контролю его воли, человеку уже чрезвычайно трудно выпутаться из сети нежелательных психических переживаний.

4. Каратэ, кунфу и т. п.

Такое «новое религиозное сознание», которое намного опасней всех ересей прошлого, становится врагом христианства. Поначалу «духовные» опыты восточных культов как будто добры или «нейтральны», но затем преподавателями их совершается закономерный

переход к опытам странным и пугающим, в конце концов приобретающим, несомненно, демонический характер. Даже чисто физическая сторона таких психических учений, как йога, таит в себе опасность, так как они предрасполагают человека к психическим настроениям и опытам, что и является первоначальной целью йоговских упражнений, из которых они происходят; примерно то же самое можно говорить и о таких ныне весьма распространенных восточных школах, как каратэ, кунфу, дзюдо и т. п., где также под видом спорта, упражнений для развития в себе каких-то скрытых возможностей — телесных и психических — на самом деле идет серьезная духовная обработка личности человека, затрагивающая самые глубины его души и сердца. Эти занятия едва ли не более опасны для души, нежели ранее перечисленные бесовские учения. Конечно, и здесь сам учащийся не понимает глубинного смысла всех тех экзотических действий слов, поз, криков, которыми сопровождаются все сии упражнения. Многие из современных «христиан» возмущаются, когда священник начинает требовать от них категорически оставить подобные занятия. Они не видят ничего нехристианского в каратэ, кунфу, йоге и т. д.: «Ведь это всего лишь древняя мудрость, наука древних о совершенствовании наших телесных и душевных возможностей...» Что отвечать на такие заявления?!

Мы, христиане, знаем только одну истинную науку о совершенстве, также и науку о нашем падшем и расстроенном состоянии, знаем и подробнейшее учение о всех сторонах жизни (и внутренней и внешней) — это есть учение Христово, всегда обильно и щедро распространяемое и громко провозглашаемое святой нашей Церковью. И мы, христиане, хорошо знаем, как злонамеренно и неусыпно бродит возле каждого человека дьявол, «яко лев, рыкая» и «ища кого поглотить»; и всякое «великое» учение, сопровождаемое «знамениями», «сообщенными дарованиями», «нечеловеческими возможностями», в котором не проповедуется Христос, есть порождение этого лютого злодея — дьявола. Чему учат перечисленные «спортивные» занятия? Это ясно каждому, если перестать врать себе, — убивать или же жестоко калечить своего противника голы-

ми руками! Тут опять начинают обычно спорить, утверждают, что это «искусство обороны», что первым каратист или кунфуист не нападет на человека и т. п. При этом в состав упражнений входят вещи, которые должны бы вызывать «легкий» ужас у смиренного христианина, воспитанного на заповедях евангельских и обучающегося тому, чтобы достичь кротости, незлобия, любви к врагам, и тому, чтобы подставить бьющему под удар лицо: так, кунфуист упражняется над тем, чтобы, например, молниеносно нанести удар сопернику и двумя пальцами руки, пронзив грудь его, вырвать из нее сердце; при «совершенном развитии телесных возможностей» это проделывается столь мгновенно, что убитый падает замертво, не успев осознать, что произошло. Существуют подобные приемы для вырывания у ближнего печени и других жизненно важных органов. При этом ударе убийца должен прежде сосредоточиться на некотором таинственном источнике энергии или сил «кими» (он находится где-то в области чрева), которая — по учению некоторых школ — и придает такую сверхчеловеческую силу удару и перетекает при нанесении его на противника (о происхождении этого источника не говорится ничего). При ударе каратист или кунфуист издает страшный вопль, дающий будто возможность сконцентрировать эти внутренние силы (если прислушаться к такому воплю и попытаться подобрать соответствующий ему оттенок настроения, то наиболее всего он напоминает вырвавшийся на свободу сгусток сконцентрированной ненависти, которая, как яд змеи, долгими тренировками складывается в какой-то мешочек под сердцем у такого человека). На таких уроках часто ученику предлагается делать нечто напоминающее восточные религиозные ритуалы, о которых говорилось ранее: становиться на колени и складывать в таинственной позе руки, здесь предлагается опять же что-то вроде медитации, многое таинственное и непонимаемое самими учащимися должны они проделывать со своим телом и душою.

Что же на самом деле совершается на этих занятиях? Думаем, что здесь происходит призывание в себя, в свое тело нечистого духа — беса, силой которого и совершается действие крайне мощное и

превосходящее человеческие возможности. Беда в том, что в наши дни люди мало знакомы с истинным учением о падших духах и явно не принимают всерьез как существование этих духов, так и их способностей. Нам же, православным христианам, из подробнейшего учения и разъяснения наших св. отцов Церкви хорошо известно не только то, что злые духи легко приходят на всякий зов к ним, но и то, что они имеют способность проявлять великую физическую силу, могут легко передвигать любые тяжести, творить великие знамения и чудеса. Многим из нас и из житейского опыта известно, какую силу иногда дают бесы так называемым «одержимым», «бесноватым» людям, в которых вселяется и начинает над ними властвовать злой дух, как иной раз хрупкую с виду женщину, одержимую бесом, не могут удержать шесть-семь здоровых мужчин (например, во время отчитки в церкви) или как такие люди рвут крепчайшие веревки и цепи, которыми их связали. Когда же злой дух оставлял несчастных, то они физически оказывались крайне слабыми. Так что злые духи — бесы — с радостью и легко растерзали бы весь род человеческий, если бы не Милосердный наш Господь, Который не допускает этого. Когда же люди сами начинают искать и призывать эту злую силу, то тут уже и Бог попускает человеку быть обольщаемым врагами рода нашего.

Стоит ли еще говорить о подобном зле и о том, как оно несовместимо с христианской жизнью?!

Итак, серьезно задумавшись об этом, необходимо поспешить изгнать из своего сердца всякие симпатии к такого рода «мудрости древних», отшатнуться от всего мрака, всю свою жизнь — и внутреннюю и внешнюю — очистить от всякого подобного демонического влияния, а близких людей предостерегать от подобного заблуждения. О причастности своей к тем или иным языческим культам (хотя бы давно было и прошло сие увлечение) обязательно нужно принести покаяние — исповедовать этот грех!

(При составлении частично использована книга иеромонаха Серафима Роуза «Православие и религия грядущего». Калифорния. 1982. Гл. 2-5.)

Глава V

Маловерие и нецерковность

Кроме подобных перечисленных уклонений от правил нашей веры, теперь часто наблюдается иное, более неприметное, но не менее отвратительное предательство в отношении православной веры — это презрение самого Православия, самой матери нашей — Православной Церкви; это легкомысленное, поверхностное, неуважительное отношение к догматам, обрядам, правилам, установленным ею; это нецерковная, беспорядочная, безблагодатная жизнь, которая тем не менее провозглашает себя «православной», жизнь двойная, когда человек по временам бывает «верующим», в определенные моменты и при определенных обстоятельствах, в обычной же своей деятельности далеко не похож на христианина; это бесстрашное, беззаботное, «панибратское» общение с еретиками и хулителями наших святынь, горячая, активная дружба с миром сим прелюбодейным, это теплая симпатия и сочувствие лживым «добродетелям» мира сего, его лживым понятиям и хвалебным гимнам падшему человечеству; это легкое принятие к сердцу клеветы и хулы на церковные порядки и установления, частое сомнение в правильности того или иного церковного правила; это пренебрежение установленными Церковью постановлениями и безучастное отношение к церковным праздникам и событиям; это та теплохладность, о которой говорится в Апокалип-

сисе: *знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих* /Откр. 3, 15-16/.

В среде наших верующих уже давно идет какой-то страшный процесс внутреннего охлаждения к Божественному, омертвения и отчуждения к небесному, процесс отступления, измены Православию, тайного отречения от Бога. Но при этом внешнее исповедание веры как будто растет, ширится, громогласно заявляет о себе. Как много желающих приобщиться к поверхностной вере, сделать несколько любопытных шагов в прекрасный мир христианства и как мало желающих идти до конца этим путем, путем узким и скорбным, оставить всю свою прошлую жизнь, отринуть ее «прелести», восстать против своих страстей, своей воли, отвергнуться себя, не оборачиваться к оставленному позади Содому. Большей частью теперь семя веры попадает на тонкий слой почвы, лежащей на камне нечувствия, или падает посреди терний, или на дорогу и бывает иссушаемо, заглушаемо или похищаемо, попираемо. Ныне еще более чем в прежние времена потребны многий труд, борьба, мудрость и трезвение, чтобы взрастить и сохранить плод веры.

Уже в прошлом веке святые отцы приметили признаки этой болезни: «Образ благочестия кое-как, наиболее лицемерно, поддерживается, от силы благочестия отреклись, отверглись люди...». «Оставлено на произвол верование во Христа, и отвергнуто жительство по заповедям Христовым, — принято жительство, противоположное им, отчего вера никак не может перейти из вводной в деятельную, тем менее в живую, то есть в духовную. Вера без дел веры, то есть без исполнения заповедей Христовых, мертва». «Есть в частности христиане, но утрачено общее одинаковое знание Истины, которым бы все соединялись в одно духовное тело, с одним образом мыслей, в одном духе, под одною общею главою — Христом. Ныне всякий имеет более или менее свой образ мыслей, свою религию, свой путь, принятые произвольно или случайно, признаваемые правильными или только оправдываемые. Это бесчисленное стадо, потерявшее связь и единство в истине и духе, представляет

духовному наблюдателю вид величайшего беспорядка: каждая овца бредет в свою сторону, не зная, куда идет она...» «Оглушил их шум земных, лютых попечений, шум увеселений чувственных, шум земного преуспеяния». «Прильпе земли душа их, неспособна к восприятию впечатлений духовных». «Все мы возлюбили свои пустые и глупые пожелания, возлюбили тленное, временное, плоть и кровь, в них живущую — смерть вечную! Путь узкий, — путь самоотвержения, тесно на пути широком, — своеугодия! — Теснимся, торопимся, толкаем друг друга в преисподнюю, в пресыщенную уже пропасть ада!..» /свт. Игнатий (Брянчанинов)/. «Весь мир находится под влиянием какой-то силы, которая овладевает умом, волей и всеми душевными силами человека. Эта сила посторонняя, злая сила. Источник ее — дьявол, а злые люди являются только орудием, посредством которого он действует. Это антихрист идет в мир. Это его предтечи. Про это Апостол говорит: *Пошлет им духа заблуждения, духа лестча. Зане любве истины не прияша*» /старец Варсонофий Оптинский/. Можно встретить множество подобных высказываний, полных скорби и горького предчувствия всех тех страшных духовных бедствий, которые и обрушились на мир в нашем веке, нанесли тяжелейшие раны всему христианству. И краски этой печальной картины все сгущаются.

Внешность сегодняшнего православного христианства украшается и торжествует, приемлется миром и им восхваляется — внутренняя же жизнь крайне оскудевает духовностью и отличается небывалой немощью. Незаметно все то, что связано с вечностью, с жизнью будущего века, отодвигается на последний план; жизни и устройству века сего уделяется усиленное внимание. Слышатся и видятся повсюду дела и слова, по наружности очень внушительные, религиозные, благочестивые, по сути же дела — все они от мира сего, преследующие цели временные, жалкие, о вечности же разговор не заходит, а если и заходит, то какой-то несерьезный, часто полушутливый или как-то между прочим, как о чем-то далеком и весьма туманном. Сегодня, когда приходится беседовать даже с самыми церковными и ревностны-

ми христианами о Царствии Небесном (например, при упокоении кого-либо из их близких), то чувствуется какое-то омертвение к этому понятию, напоминание о жизни иной, вечной, не рождает у них радования и умиротворения, но отражается на лице легкой тенью некоторого недоверия и скуки. Как часто теперь мы, православные христиане, пытаемся себя или ближнего стимулировать к какому-либо делу полезному чем-то суетным, примитивным, основанным даже на какой-нибудь страсти (на тщеславии, сребролюбии, гордыне и т. п.), и как редко заставляем себя потрудиться и поскорбеть непосредственно ради Царствия Небесного.

Конечно, такая «вера» — мертва! «Вера», которая не о жизни вечной ревнует, а о преходящем, тленном, такая «вера» и толкает, и будет толкать человека в разные соблазны, развлечения, похоти века сего прелюбодейного, в разные играния и актерства, и рано или поздно восстанет на веру православную, которая, как всегда, отрывает человека от притягивающей к себе и пленяющей земли, подталкивает, правит его к небесному, к вечному, Божественному. Таким лжеверующим такая наша вера всегда будет казаться очень суровой, мертвящей, *все-запрещающей*, скучной и мрачной. Действительно, Православие без живой веры и чаяния жизни будущего века становится невыносимо тяжким игом, не растворенным сладостью и веселием, для любящего мир сей грешника.

Возлюбили люди землю! Возлюбили «свои пустые и глупые пожелания, возлюбили тленное, плоть и кровь...» Это язва страшная! А как часто она неприметна, как важно все время проверять свое сердце и ум, следить за тем, где мы собираем свое сокровище: на небе или на земле? чем мы оживляем ревность к делам своим: исканием Царствия Небесного или земного?

Такая внутренняя подмена вышнего на низшее ведет к цепочке предательств и измен Православию. Когда человек ориентируется на земное благополучие, хотя и продолжает молиться и совершать многие обряды и правила церковной жизни, то цели его, внутренние движения, «порывы» — уже не святые, не высокие, не оживляющие, не очищающие душу, а расслабляющие, опуты-

вающие страстями. Тогда меняются многие понятия, тогда сами греховность и нищета духовная не видятся во всей полноте своего безобразия, тогда многое темное начинает казаться светлым, горькое — сладким, недопустимое — вполне полезным, многая фальшь — чем-то правдивым и прекрасным. Учение св. Церкви пренебрегается, люди начинают изобретать свои взгляды и учения относительно тех истин и заповедей, о которых они слышали от православных и из Священного Писания, но не приняли их православного истолкования.

Таким образом, «христиан» становится все больше, а истинных поклонников Христа Господа — все меньше. О Церкви, о вере, о христианстве — разговоров все больше, а деятельной жизни по вере, внутренней борьбы со страстями — все меньше. Истинная духовная жизнь подменяется прямо ей противоположной — исканиями душевных наслаждений. «Эгоцентризм и самодовольство, которым пронизана жизнь большинства нынешних «христиан», настолько пропитала все вокруг, что всякое понимание того, что такое «духовная» жизнь, для них — за семью печатями, и когда такие вот люди берутся за «духовную жизнь», то у них получается лишь другая форма самоудовлетворенности». «Христианская духовность созидается в тяжелой борьбе за обретение вечного Царствия Небесного, которое начинается во всей полноте лишь после конца временного мира, и настоящий воин Христов не ищет покоя в предвидении вечного блаженства, в котором он может удостовериться еще при жизни» /иеромонах Серафим/.

Такое слабое понятие о вере, неприятие ее во всей глубине и силе ведет к принижению самого понятия о Церкви, о ее учении, ведет к нецерковности, к оставлению предания св. отцов, оставляет человека в полном одиночестве в жалкой ладье посреди бушующего страстями житейского моря.

Итак, когда чаяния свои человек полагает в земной жизни, то и сердце его, по учению св. Евангелия, бывает прилеплено к земле, вся деятельность и все мышление его приземлены, к небу уже

не способен он поднять очей своих. Такая жизнь не может называться христианской. Свт. Игнатий писал: «Священное Писание свидетельствует, что христиане, подобно иудеям, начнут постепенно охладевать к откровенному учению Божию; они начнут оставлять без внимания обновление естества человеческого Богочеловеком, забудут о вечности, все внимание обратят на свою земную жизнь: в этом настроении и направлении займутся развитием своего положения на земле, как бы вечного, и развитием своего падшего естества для удовлетворения всем поврежденным и развращенным требованиям и пожеланиям души и тела. Разумеется: такому направлению Искупитель, искупивший человека для блаженной вечности, чужд».

Как сейчас важна и ценна в верующем глубокая преданность учению своей Церкви, родившей его духовно в святой крещенской купели, как необходима самая горячая, твердая преданность святому Православию, как потребна крайняя осторожность в отношении к бурному, стремительному потоку лжедуховности, лжерелигиозности, лжедобра! Необходимо в покаянном чувстве находить и извлекать из своего сердца гадкие плевелы — пристрастие к миру временному и отчуждение ко всему Божественному, небесному, вечному! Задумайся об этом, наверняка ты и в себе найдешь признаки этой распространенной ныне болезни, устрашись того, чтобы не оказаться тебе одним из тех лжехристиан, которых будет великое множество ко времени пришествия антихриста и в лице которых злодей этот найдет своих преданных поклонников.

«Дни века сего всегда были лукавы и пребудут такими: но наш век не больше ли лукав, — и не больше ли потому мудрости требует от нас, чтобы искупить сие опасное время, обратив противодействие ему в куплю спасения» /свт. Феофан Затворник/.

Глава VI

Рассказ о мытарствах преподобной Феодоры Цареградской

Рассказ преподобной Феодоры Цареградской открывает, через какие мытарства проходит душа усопшего на третий день после смерти. Так важно помнить о том страшном часе, когда мы будем стоять лицом к лицу с тем злом и безобразием, которое сопутствовало нам в жизни и с которым мы полагали общение. Церковь обстоятельно учит о мытарствах, многие подробности их известны из откровений умерших, являвшихся в видениях, и людей, неожиданно возвратившихся к жизни через несколько часов или даже дней после смерти, которые с ужасом передавали эти страшные впечатления. Эти люди оставались уже до конца жизни в самом покаянном настроении и непрестанно готовились к смерти, чтобы уже не быть застигнутыми врасплох бесами-мытарями. Довольно подробное и яркое повествование о мытарствах сообщила в видении преподобная Феодора Цареградская (память 30 декабря). Приведем его здесь в сокращении.

Преподобная Феодора жила в Константинополе в первой половине X века. Она была замужем, но овдовела и вела благочестивую жизнь, служа бедным и странникам, затем приняла монашество и жила под руководством преподобного Василия Нового (память 26 марта). Скончалась она в преклонном возрасте. Ученик же святого

Василия, Григорий, с мольбой стал просить старца открыть ему загробную жизнь святой старицы Феодоры. И вот ради его неотступных просьб по молитве старца во сне было Григорию чудное видение: он оказался в прекрасном саду, где встретил Феодору и мог расспросить ее о том, как она рассталась с телом и как пришла в эту святую обитель. Преподобная Феодора отвечала ему: «Как я могу, дорогое чадо Григорий, рассказать тебе все? После того что я в страхе и трепете испытала, я многое забыла, тем более что видела такие лица и слышала такие голоса, каких не приходилось никогда ни видеть и ни слышать в течение всей своей жизни. Что я могу сказать, так это то, что лютая мне встретилась бы смерть за мои неправые дела, совершенные на земле, если бы не молитвы отца нашего Василия. Одни молитвы его сделали мою смерть легкой». После этого преподобная Феодора рассказала, как устрашило ее при кончине множество вдруг явившихся злых духов. Они принесли большие книги, в которых были записаны грехи всей жизни, и пересматривали их в нетерпении, как будто ожидая с минуты на минуту прихода какого-то судьи. Видя это, она пришла в такой трепет и ужас, что совершенно изнемогла, и, в страдании оглядываясь по сторонам, желала увидеть кого-нибудь, кто смог бы отогнать бесов. Находясь в таком мучительном состоянии, преподобная увидела двух Ангелов, ставших рядом с ней, злые духи тут же отошли подальше. «Зачем вы, мрачные враги рода человеческого, смущаете и мучите душу умирающей? Не радуйтесь, здесь вашего ничего нет», — проговорил Ангел. Тогда бесстыдные духи начали вспоминать все, что святая сделала от юности, словом ли, делом ли или помышлением. При этом они многое прибавляли от себя, стараясь оклеветать преподобную. Наконец пришла смерть, она налила что-то в чашу и поднесла святой испить, а после, взяв нож, отсекла голову. «Ах, чадо мое, — продолжала рассказ преподобная Феодора, — как мне тогда стало горько-горько! В эту-то минуту смерть исторгла мою душу, которая быстро отделилась от тела, подобно тому, как птица быстро отскакивает от руки ловца, если он выпускает ее на свободу». Светозарные Ангелы приняли душу преподобной и стали

отходить с ней на небо, тело же святой осталось лежать на земле, словно сброшенная одежда. Когда святые Ангелы держали душу преподобной, злые духи опять приступили, сказав: «Мы имеем многие ее грехи, отвечайте нам за них». И тогда Ангелы стали вспоминать все добрые дела, которые сотворила святая: ее милосердие, миролюбие, любовь ко храму Божию, терпение, смирение, пощение и многие другие подвиги, которые преподобная понесла в жизни. Затем явился и преподобный старец Василий и стал говорить Ангелам: «Покровители мои, эта душа много мне послужила, успокаивая мою немощь и старость. Я молился о ней Господу, и Он даровал мне благостыню эту». При этом преподобный Василий дал Ангелам какой-то ковчежец, добавив: «Когда хотите мытарства воздушные миновать, искупайте ее, взяв из этого ковчежца и отдавая лукавым и злым духам». Ангелы взяли преподобную Феодору и направились вверх на небеса, восходя как бы по воздуху. И вот на пути внезапно встретилось первое мытарство, которое называется мытарством празднословия и сквернословия, истязатели требовали дать ответ во всем, что преподобная Феодора когда-либо дурно говорила, обвиняли за неприличный смех, насмешки, дурные песни. Об этом святая забыла, ибо много времени прошло с тех пор, как она начала вести жизнь, угодную Богу. Но Ангелы защитили ее.

Выше находилось мытарство лжи. Находившиеся там злые духи были очень мерзки, противны и свирепы. Они с яростью начали клеветать на святую, но Ангелы дали им из ковчежца и миновали их.

Когда преподобная достигла третьего мытарства — осуждения и клеветы, от злых духов вышел более старый и начал рассказывать, какими дурными словами преподобная оклеветала кого-либо в своей жизни. Много он показывал ложного, но удивительно было одно, с какой подробностью и точностью запомнили бесы то, что забыла сама преподобная.

Слуги четвертого мытарства — объядения и пьянства, словно хищные волки, готовы были поглотить святую, вспоминая, как она ела утром не помолившись Богу, ела до обеда и ужина и без

меры, нарушала посты. Стараясь вырвать душу Феодоры из рук Ангелов, один из злых духов сказал: «Не ты ли обещала при святом крещении Господу Богу своему отречься от сатаны и всех дел его и от всего, что принадлежит сатане? Дав такой обет, как ты могла совершить то, что совершила?» И бесы пересчитывали даже все чаши вина, которые выпила преподобная Феодора в течение всей жизни. Когда она сказала: «Да, это было, и это я помню», Ангелы снова дали часть из ковчежца святого Василия, как это они делали на каждом мытарстве, и отправились дальше.

«Знают ли находящиеся на земле люди, что ждет их здесь и с чем они встретятся по своей смерти?» — спросила преподобная Феодора Ангелов. «Да, они знают, — ответил Ангел, — но наслаждения и прелести жизни так сильно действуют на них, так поглощают их внимание, что они невольно забывают о том, что их ждет за гробом. Добро тем, которые помнят Священное Писание и творят милостыню или делают какие-либо другие благодеяния, которые впоследствии могут искупить их от вечных мук ада. Но горе тем, которые живут небрежно, как будто они бессмертные, думают только о благах чрева и гордыни. Если внезапно их смерть постигнет, то окончательно погубит, так как они не будут иметь в защиту себе никаких добрых дел; души тех людей князья этих мытарств, сильно измучив, отведут в темные места ада и будут держать их до пришествия Христова. Так и ты, Феодора, пострадала бы, если бы не получила от угодника Божия Василия дарований, которые тебя спасли здесь от всего дурного». В такой беседе они достигли пятого мытарства — лености, где истязуются грешники за все дни и часы, проведенные в праздности. Тут же задерживаются тунеядцы, ленящиеся в праздничные дни ходить в храм Божий. Там же испытуются уныние и небрежение как мирских, так и духовных людей и разбирается нерадение каждого о своей душе. Многие оттуда низвергаются в пропасть. Ангелы восполнили недостатки преподобной дарами св. Василия и отправились дальше.

Шестое мытарство — воровство — они прошли свободно. Также и седьмое мытарство — сребролюбия и скупости — Ан-

гелы прошли без задержки, потому что, по милости Божией, преподобная всегда довольствовалась тем, что давал Бог, и усердно раздавала имеющееся нуждавшимся.

Духи восьмого мытарства — лихоимства, истязующие взяточничество и лесть, заскрежетали от злости зубами, когда Ангелы прошли мимо них, ибо они ничего не имели против преподобной.

Девятое мытарство неправды и тщеславия, десятое — зависти и одиннадцатое мытарство гордости Ангелы прошли свободно.

Вскоре на пути встретилось двенадцатое мытарство — гнева. Старейший из духов, исполненный гнева и гордости, приказал слугам мучить и истязать преподобную, бесы повторили все подлинные слова преподобной, сказанные ею в гневе, припомнили даже, как она с гневом смотрела на своих детей или строго наказывала их. На все это Ангелы ответили, дав из ковчежца.

Словно разбойники, подскочили злые духи тринадцатого мытарства — злопамятства, но, ничего не найдя в своих записях, горько заплакали. Тогда преподобная осмелилась спросить одного из Ангелов, откуда злые духи знают, кто и что сделал в жизни дурного. Ангел отвечал: «Всякий христианин при святом крещении приемлет Ангела-хранителя, который невидимо оберегает его от всего дурного и наставляет на все доброе, который записывает все добрые дела, совершенные этим человеком. С другой стороны, злой ангел в течение всей жизни следит за злыми делами людей и их записывает в своей книге. Он записывает все грехи, в которых, как ты видела, испытываются люди, проходящие мытарства и направляющиеся на небо. Грехи эти могут возбранить душе вход в рай и привести прямо в бездну, в которой злые духи сами живут. И там эти души будут находиться до второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа, если не имеют за собой благих дел, которые бы могли вырвать их из рук дьявола. Люди, верующие во Святую Троицу, приобщающиеся как можно чаще Святых Таин, Тела и Крови Христа Спасителя, прямо восходят на небо без всяких препятствий. И святые Ангелы Божии являются защитниками, и святые угодники Божии молятся о спасении душ праведно поживших людей. О злочес-

тивых же и зловерных еретиках, которые не совершают в своей жизни ничего полезного, никто не заботится, и в защиту их ничего Ангелы не могут сказать».

На четырнадцатом мытарстве — разбойничества, которого достигли Ангелы, испытывались все, кто кого-нибудь толкнул с гневом, бил по щекам или каким-либо орудием. И это мытарство Ангелы миновали свободно. Внезапно они очутились на пятнадцатом мытарстве — чародеяния, обаяния (колдовства), отравления, призывания бесов. Здесь находились змееобразные духи, цель существования которых — вводить людей в соблазн и разврат. По благодати Христовой преподобная скоро миновала это мытарство. После этого она спросила, за всякий ли грех, который человек совершит в жизни, он истязуется на мытарствах или возможно еще при жизни загладить грех, чтобы очиститься от него и не мучиться на мытарствах. Ангелы отвечали преподобной Феодоре, что не всех так подробно испытывают на мытарствах, но только тех, кто, подобно ей, не исповедовался чистосердечно перед смертью. «Если бы я исповедала отцу духовному без всякого стыда и страха все греховное и получила прощение, — сказала преподобная Феодора, — то я перешла бы беспрепятственно все эти мытарства, и ни в одном грехе мне не пришлось бы быть истязуемой. Но как я не хотела чистосердечно исповедовать отцу грехи, то здесь и истязуют меня за это. Конечно, мне много помогло то, что я в течение всей своей жизни старалась и желала избегать греха. Тот, кто с усердием стремится к покаянию, всегда получает от Бога прощение, а через это и свободный переход от этой жизни в блаженную загробную жизнь. Злые духи, которые находятся на мытарствах вместе со своими писаниями, раскрывши их, ничего не находят написанным, ибо Святой Дух делает невидимым все написанное. И видят это они, и знают, что все записанное ими изглажено благодаря исповеди, и очень скорбят тогда. Если человек еще живет, то они стараются на этом месте снова вписать какие-либо другие грехи. Велико поистине спасение человека в исповеди! Она спасает его от многих бед и несчастий, дает возможность беспрепятственно пройти все мытарства и при-

близиться к Богу. Иные не исповедуются в надежде, что будет еще время и для спасения, и для оставления грехов. Иные просто стыдятся на исповеди высказать духовнику свои грехи — вот такие-то люди будут испытаны на мытарствах строго. Есть и такие, которые стыдятся высказать одному духовному отцу все, а избирают нескольких и открывают одни грехи одному, другие другому и т. д. За такую исповедь они будут наказаны и немало претерпят при переходе из мытарства в мытарство».

Незаметно приблизилось шестнадцатое мытарство — блуда. Истязатели изумились тому, что святая беспрепятственно достигла их, и когда начали говорить, что она сделала в жизни, дали много ложных показаний, приводя в подтверждение имена и места. Так же поступили и слуги семнадцатого мытарства — прелюбодеяния.

Восемнадцатое мытарство — содомское, где истязуются все противоестественные блудные грехи и кровосмешения, все сквернейшие, тайно совершаемые дела, о которых, по слову апостола, стыдно и говорить, преподобная Феодора миновала скоро. Когда поднялись выше, Ангелы сказали ей: «Ты видела страшные и отвратительные блудные мытарства. Знай, что редкая душа минует их свободно. Весь мир погружен во зло соблазнов и скверн, все почти люди сластолюбивы, *помышление сердца человеческого — зло от юности его* /Быт. 8, 21/ Мало умерщвляющих плотские похоти и мало таких, которые свободно прошли мимо этих мытарств. Большая часть, дошедши сюда, погибает. Власти блудных мытарств хвалятся, что они более всех прочих мытарств наполняют огненное родство во аде. Благодари Бога, Феодора, что ты миновала этих блудных истязателей молитвами отца твоего. Уже более не увидишь страха».

На девятнадцатом мытарстве — идолослужения и всякой ереси — преподобную ни в чем не испытывали. На последнем, двадцатом, мытарстве — немилосердия и жестокосердия — задерживаются все немилостивые, жестокие, суровые и ненавидящие. Душу человека, не следовавшего заповеди Божией о милосердии, сбрасывают отсюда в ад и затворяют до общего воскре-

сения. Словно назойливые пчелы, подлетели слуги жестокого беса, но, не найдя ничего в преподобной, отошли. Радостные Ангелы провели святую сквозь небесные врата. Когда они вошли внутрь неба, вода, бывшая над землей, расступилась, а позади снова соединилась. Ликующий сонм Ангелов встретил святую и повел ее к престолу Божию. Когда они шли, то на них спустилось два божественных облака. На необъяснимой высоте стоял престол Божий, такой белый, что просвещал всех предстоящих пред ним. «Все там находится такое, что невозможно ни понять, ни объяснить; ум омрачается недоумением, и память исчезает, и я забыла, где я нахожусь», — так рассказывала преподобная Феодора. Она поклонилась невидимому Богу и услышала голос, который повелел показать ей все души праведных и грешных и после этого дать покой. После рассказа Феодора провела Григория по Небесной Обители, ввела во дворец, в сад, где он, пораженный благами, хотел узнать о них подробнее, но преподобная лишь сказала, что все это неземное и достается тому, кто в земной жизни переносит много скорбей и напастей, кто оберегает заповеди Господни и в точности выполняет их. Итак, поклонившись святой, Григорий вернулся домой и в это время проснулся и стал размышлять о виденном. Боясь, не бесовское ли это все наваждение, он поспешил к учителю, преподобному Василию, но тот, предупредив его, сам рассказал все то, что видел Григорий, и просил его записать виденное и слышанное на пользу ближним.

Думаем, что каждый кающийся христианин найдет в этом рассказе огромную пользу для себя, со страхом вдумается в то, что ждет его после упокоения, и возжелает пока есть время трезво переоценить свою жизнь, свои поступки, слова, мысли, скорее исповедовать все греховное без утайки, отвергнув нерешительность.

(Рассказ из жития Феодоры выписан из «Настольной книги для священнослужителя». Москва. 1978. Т. 2, стр. 437-443.)

Глава VII

Пьянство

В той же книге св. Димитрия Ростовского встречается весьма полезное и вразумительное, устрашающее и отрезвляющее наставление тем, кто слаб в отношении спиртных напитков. И эта страсть в наше время стала одной из самых распространенных и многое множество зла, горя, несчастья и беззакония производящей. Поэтому приведем здесь в сокращении это рассуждение св. отца с целью вызвать раскаяние и желание побороть эту болезнь, если читающий сие ею болен.

Невинно вино, укоризненно пиянство /Притч. 20, 1/, от которого столь великий вред бывает, о чем нет нужды и говорить, ибо это может каждый увидеть из повседневного опыта.

Славный среди древних еллинов философ Анахарсис говорил, что лоза виноградная родит три грозди: во-первых, гроздь услаждения; во-вторых, упоения и, в-третьих, гроздь печали. Сие он изъяснял в том смысле, что питое вино в незначительном количестве является услаждением и полезно человеку, ибо утоляет жажду, подает цельбы стомаху (желудку. — Ред.) и веселит сердце, тогда как питие в большом количестве делает человека пьяным, порождает многочисленные свары, разжигает ярость и поднимает на брань и бой, за чем следует немалая печаль.

...Поистине, пьянство есть содомогоморрский виноград, и не иные

гроздья его, как только гроздья желчи, горести, исполненные змеиного и аспидного яда и рождающие ярость, ибо каков сад, таковы и плоды бывают!

Первая гроздь желчного пьянственного винограда заключается в помрачении ума, изменении разума и погублении памяти, ибо сила пьянственная, восходя от наполненного вином желудка к голове, потемняет мозг и смущает ум. Поэтому бывает то, что многие в своем пьянстве не помнят о себе и не знают, что делают и что говорят, как безумные; если же с ними приключится какое-нибудь бедствие или бесчестие, или раны, то они наутро ничего не помнят.

Другая гроздь есть бесстыдство, ибо пьяный никого не стыдится, но, погубив стыд, произносит слова скверные, хульные, бесстыдные, нелепые, скаредные и недостойные целомудренного слуха, и бывают его уста как бы некоей пустой хлевиной, исполненной смрадного гноя, а язык уподобляется лопате, которою выкидывается гной. Сердце же такого человека не чем иным не может быть, разве только сокровенным местом многих зол, откуда не может происходить добро, но лишь одно зло, как говорится в Евангелии: *злый человек от злаго сокровища сердца своего износит злое: от избытка бо сердца глаголют уста его* /Лк. 6, 45/.

Третья гроздь пьянственного винограда есть несоблюдение тайны, ибо все то, что трезвый глубоко в сердце своем скрывает, погребши молчанием, будут ли это свои или вверенные ему кем-либо другим тайны, все это пьяный делает известным для всех. Кроме того, и все, что было совершено давно и предано забвению, он вспоминает и, как мертвеца, воскрешает. Такой подобен бочке, полной нового питья, в которой при шумящем и изливающемся питье дрожжи не удерживаются на дне, но поднимаются наверх и, гонимые из бочки внутренней теплотой, вытекают вон. Подобно сему и в пьяном человеке сила опьянения возмущает сердечные тайны и гонит их вон. Он устами своими открывает тайны, подобно тому, как пища из желудка, исполненного пьянством, выбрасываются и тайны блеванием. В пьяном обе эти, то есть и пища, и тайны, превращаются в блевотину.

Четвертая гроздь пьянственного содомогоморрского винограда есть

распаление похоти на плотское смешение. Посему-то апостол и увещевает: *не упивайтесь вином, в нем же есть блуд* /Еф. 5, 18/, а св. Василий Великий говорит: «Несомненно от вина, как от некоего источника, проистекает безудержная похоть, которая много превосходит даже неистовство всех бессловесных по отношению к женскому полу; ибо бессловесные животные не переходят границ естественного, а упивающийся вином в мужчинах ищет женского пола и в женщинах — мужского пола».

Пятая гроздь, исполненная змеиного и аспидного яда, есть ярость, гнев, вражда, ссоры, драки и кровопролития. Пророк Осия говорит: *Начаша князи яритися от вина, не токмо же князи, но и простолюдины, исполнившиеся вина, восстают друг на друга яростию.* Посему-то и Приточник выражает порицание: *Кому горе; кому молва; кому судове; кому горести и свары; кому сокрушения вотще; кому сини очи* (синяки под глазами)*? Не пребывающим ли в вине, и не назирающим ли, где пирове бывают?* /Притч. 23, 29-30/. И Сирах увещевает: *В вине не мужайся, многих бо погуби вино. Пещь искушает железо в калении, тако вино сердца гордых во пиянстве* /Сир. 31, 29-30/ И еще он же говорит: *Горесть души вино пиемо много в распри и клевете: умножает пиянство ярость безумнаго* /Сир. 31, 34-35/

Шестая желчная гроздь пьянственного винограда есть повреждение здоровья, ослабление телесных сил, дрожание рук, боль головы, изменение глаз, бедствование желудка, стоны, недуги, преждевременная старость, уменьшение лет жизни и ранняя кончина.

Седьмая гроздь — растрата имущества, погубление богатств и отсутствие прибылей. *Делатель пияниный,* — говорит Сирах, — *не будет богат* /Сир. 19, 1/. О, как много таких, которые от великого богатства пришли к крайней нищете! Примером сего может быть блудный сын.

Восьмая несладкая гроздь — лишение спасения, ибо пьянство губит, подобно вещественным имениям, и духовные богатства. Оно осмеливается на все грехи, ибо тот грех, которого трезвый человек гнушается, боится или стыдится, тот грех он в пьяном виде совершить не сты-

дится, не боится и не гнушается. Об этом ясно говорит святой Златоуст: «Пьянство, если в ком найдет и целомудрие, и стыд, и разум, и кротость, и смиренномудрие, все повергает в бездну законопреступления». Истину говорит апостол: *пияницы... Царствия Божия не наследят* /1 Кор. 6, 10/.

Девятая желчная гроздь — гнев Божий, ибо пьянствующий, преступая заповеди Божии, подвигает на гнев Бога своими грехами. Посему пророк Исаия восклицает: *Горе востающим заутра и сикер гонящым, ждущым вечера: вино бо сожжет я: со гусльми бо и певницами, и тимпаны и свирельми вино пиют, на дела же Господня не взирают* /Ис. 5, 11-12/. Таким и пророк Иеремия говорит: *пийте и упийтеся, и изблюйте и падите, и не востаните от лица меча, егоже Аз послю среде вас* /Иер. 25, 27/.

Десятая, и самая горькая, гроздь пьянственного винограда есть несомненная погибель души, ибо иные грешники, когда приблизятся к часу смерти своей, могут каяться и сожалеть о грехах, имея трезвый ум; пьяный же как может, умирая, покаяться, если он не помнит себя и не знает, что приблизилась к нему неожиданная кончина? Умирающему же без покаяния неизбежна геенна.

Вот каковы грозди того содомогоморрского винограда, то есть пьянства, вкус которого, хотя вначале и кажется сладким, но после превращается в желчную горечь и в яд змеиный и аспидный.

Все это сказано не для похуления вина, но для укорения пьянства, ибо вино создано Богом на радость и здоровье людям, а не для пьянства и вреда. Говорит св. Златоуст: «Вино дано для того, чтобы мы веселились, а не безобразничали, чтоб смеялись, а не были осмеяны, чтоб мы здравствовали, а не болели, чтобы исправили слабость тела, а не уничтожали душевную крепость». «Пьянство не от вина, но от безмерного употребления: вино нам дано не для иного чего, как только для телесного здоровья, но сему препятствует безмерное его употребление». Тот же святой считает пьяниц за их безмерное пьянство бесчестнее псов, ослов и прочих бессловесных животных, ибо всякое животное не ест и не пьет больше, чем нужно, и никто не может принудить его, чтобы оно пило больше, чем желает его природа. Пьянствующий же чело-

век и без принуждения все больше и больше наполняет чрево свое, так что даже сам себе вредит.

Так что не сочти грех маловажным, даже если ты не систематический пьяница, но только по временам упиваешься, то тем более поостерегись, чтобы не спиться тебе более, ведь при нашем намерении начать новую жизнь по христианскому закону часто усиливается и то, что было раньше незначительным, после бывает сильнейшим искушением, вокруг всех наших слабых точек души собирается множество коварных бесовских ловушек и козней. А пьянство опаснее других грехов тем, что начинается незаметно, а через него потом проникают в душу другие страшные позывы ко греху, которые пьяный легко принимает и исполняет на деле. Никакой грех не начинается так безобидно (по виду), как этот, и не приводит потом к стольким падениям, самым ужасным и тяжким по последствиям. Но и многие труды и усилия необходимо понести для того, чтобы перебороть эту страсть, необходимо искреннее раскаяние и молитвенное обращение к Господу и святым Его за помощью (особенно часто об избавлении от этой страсти просят св. мученика Вонифатия).

(Св. Димитрий Ростовский. Там же, стр. 245-249.)

Глава VIII

Поучения о покаянии св. отцов Церкви

Итак, здесь мы коротко помянули о самых распространенных и наиболее зловредных грехах нашего времени, конечно, далеко не о всех, а о таких, злостность которых теперь часто недооценивают, считая их «легкими». Теперь стоит коротко коснуться и того, как вообще исправлять себя, свое сердце, с чего начинать, где искать корни греха, на что обращать внимание более, какая страсть от какой происходит. Прекрасно об этом говорит святитель Феофан Затворник в проповеди субботней первой недели Великого поста. Приведем здесь часть ее.

А. Об исправлении сердца

Воспитание в себе всего святого так трудно и многосложно, путь к добру пролегает среди такого множества сокровенных распутий, что приступающему к благому подвигу самоисправления непременно должно начертать предварительно в мысли, что и как исправлять, носить сие начертание постоянно в уме и сердце, чтобы с ним, как с верным путеводителем, беспреткновеннее и надежнее привести к концу начатое дело.

Итак, первое — что нам исправлять в себе?

Почти все, что есть в нас. Грех любит полновластие. Если он в

любви у нашего сердца, то уже овладевает им всем и всего человека покрывает своею зловредною силою. Для грешного человека и человечества надпись одна: *От ног даже до главы несть в нем целости* /Ис. 1, 6/. В этом каждый легко убедится, если проникнет внутрь грешного сердца. Там увидит он коренное семя зла, увидит основные возбуждения греха, равно как и то, в чем он обнаруживается.

Семя всего нравственного зла — самолюбие. Оно лежит на самом дне сердца. Человек по назначению своему должен бы забывать себя в своей жизни и деятельности, должен бы жить только для Бога и людей. Освящая свою деятельность возношением ее, как благодарственной жертвы, к Богу Спасителю, он должен бы всю ее простирать на пользу ближним и на них изливать все, что бы ни получил от щедродавца Бога. Одно здесь не бывает без другого: нельзя любить Бога, не любя ближних, и нельзя любить ближних, не любя Бога, — равно как, любя Бога и ближних, нельзя не жертвовать собою во славе Божией и благу ближних. Но когда человек мыслию, сердцем и желанием отвращается от Бога, а вследствие того и от ближних, то естественно останавливается на одном себе — себя поставляет средоточением, к которому направляет все, не щадя ни Божественных уставов, ни блага ближних.

Вот корень греха! Вот семя всего нравственного зла! Глубоко кроется оно во внутренности сердца. Но разрастаясь и подавляясь ближе к поверхности сердца, семя сие выходит из него уже в трех видах, как бы в трех стволах, проникнутых его силою, преисполненных его жизнию: в самовозношении, своекорыстии и любви к наслаждениям. Первое заставляет человека говорить в сердце своем: кто как я; второе — всем хочу завладеть; третье — хочу жить в свое удовольствие.

Кто как я! Какая душа не ощущала в себе подобного движения? Не те только, кои от природы одарены высокими совершенствами или своими трудами успели сделать что-нибудь важное и общеполезное, могут мысленно возноситься перед другими. Самовозношение проходит по всем возрастам, званиям и состояниям; следит за человеком чрез все умственные и нравственные степени усовершения; оно не подчиняется никаким внешним отношениям, и хотя бы человек жил один, в безвестности и отдалении от всех, он всегда и везде несвободен от искуше-

ния — превозношения. С тех пор, как он к сердцу принял первую лесть змия: *будете яко бози*, с тех пор он начал возвышать себя над всеми, как Бог, начал ставить себя выше той черты, на которой поставлен природою и обществом, — это общая болезнь всех и каждого. Кажется, что опасного полюбоваться мыслию, что я выше того, другого, третьего? А между тем смотрите, сколько зла и сколько темных порождений проистекает из сей незначительной, по-нашему, мысли! Мыслию и сердцем возносящий себя над всеми, если предпринимает что, предпринимает не по гласу разума и совести, не по советам мудрых и внушению слова Божия, а по своим соображениям, предпринимает потому, что этого ему хочется; он своеволен; если приводит в исполнение предпринятое, всего ожидает от одного себя; он самоуверен, самонадеян; когда исполнит, все относит к себе, и оттого бывает высокомерен, горд, притязателен, неблагодарен; поставляя себя в отношение к другим, желает, чтобы везде и во всем исполнялась его воля, чтобы все двигалось по его мановению: он властолюбив и склонен к насилию, поставляя других в отношение к себе, — не может терпеть их влияния, в каком бы скромном виде оно не являлось; он презрителен и непокорен; встречая нарушение своей воли, выходит из себя, обиженный воспламеняется местью; он жаждет чести и славы, когда обладает сильным характером; лицемерен и тщеславен, когда слаб душою; дерзок, своенравен, спесив, склонен к пересудам, когда низок. Вот в каких видах является самовозношение, вот сколько греховных движений одолжены ему своим происхождением! Едва ли кто может не изобличить себя в том или другом.

«Хочу, чтобы все было мое!» — замышляет своекорыстный, и вот вторая отрасль коренного нравственного зла. Заметнее всего раскрывается в ней дух самолюбия. Оно, как бы само лично, действует здесь: своекорыстный не скажет слова, не сделает шага и движения без того, чтобы отсюда не вытекла какая-нибудь выгода. Так все у него рассчитано, так все упорядоченно, всему дан такой ход, что и время, и место, и вещи, и лица — все, к чему прикасается рука его и мысль, несет в его сокровищницу сродную себе дань. Личная польза, интерес — это коренная пружина, везде и всегда приводящая в быстрое движение все его существо, и по ее возбуждении он готов все обратить в средство для

своих целей: будет искать высших степеней достоинства и чести, если это выгодно, возьмет самую трудную должность, если она прибыльнее других, решится на все труды, не будет ни есть, ни пить, лишь бы соблюдалась его польза. Он или корыстолюбив, или любостяжателен, или скуп, и только под сильным влиянием тщеславия может любить великолепие и пышность. Его собственность дороже ему самого себя, дороже людей и Божественных постановлений. Душа его как бы поглощается вещами и живет даже не собою, а ими. Вот сила и область второй отрасли злого семени-самолюбия! И у кого нет каких-нибудь вещей, с которыми расстаться столь же больно, как потерять самое сердце, — расстаться со счастьем?

«Хочу жить в свое удовольствие!» — говорит порабощенный плоти, и живет в свое удовольствие. Душа погрязает у него в теле и чувствах. О небе, о духовных нуждах, о требованиях совести и долга он не помышляет, не хочет и даже не может помышлять /Рим. 8, 7/. Он изведал только разные роды наслаждений, с ними только и умеет обходиться, говорить о них и рассуждать. Сколько благ на земле, сколько потребностей в его теле, столько полных удовольствиями областей для преданного чувственности, и для каждой из них образуется в нем особенная наклонность. Отсюда лакомство, многоядение, изнеженность, щегольство, леность, распутство — наклонности, сила которых равняется силе закона природы, стесняющего свободу. Станет ли он услаждать вкус, делается сластолюбивым, игра цветов научает его щегольству, разнообразие звуков — многословию, потребность питания влечет его к многоядению, потребность самохранения — к лености, иные потребности — к распутству. Состоя в живой связи с природою чрез тело, душевно преданный телу столькими каналами пьет из нее удовольствия, сколько в теле его отправлений, и вместе с наслаждениями он впивает в себя и коренной дух природы, — дух механического непроизвольного действования. Потому, чем у кого больше наслаждений, тем теснее круг свободы, и кто предан всем наслаждениям, тот, можно сказать, совершенно связан узами плоти.

Вот как разрастается в нас зло от малого, почти незаметного семени; на дне сердца, как мы заметили, лежит семя зла — самолюбие; от него

идут полные его силою три отрасли зла, — три его видоизменения: самовозношение, своекорыстие, чувственность, а сии три рождают уже бесчисленное множество страстей и порочных наклонностей; как в древе главные стволы пускают от себя множество ветвей и отростков, так образуется в нас целое дерево зла, которое, укоренившись в сердце, расходится потом по всему нашему существу, выходит вовне и покрывает все, что окружает нас. Подобное дерево, можно сказать, есть у каждого, чье сердце хоть сколько-нибудь любит грех, с тем только различием, что у одного полнее раскрывается одна, у другого другая сторона его.

Что же за причина, что мы большею частию не замечаем его в себе и нередко держим на мысли и вслух не стыдясь говорим: что ж такое я сделал? Или чем я худ? Причина тому очень естественная, и она есть новое порождение живущего в нас греха. Не замечаем потому, что не можем. Этого не позволяет нам грех: он очень хитр и предусмотрителен. Непокровенное древо зла, изображенное нами, с первого раза могло бы стать пред взором ума и оттолкнуть от себя каждого, потому он спешит одеть его листвием, прикрыть его безобразие и прикрывает его так, что не только корня и стволов, даже и ветвей не может различить душа, в которой растет сие древо. Эти лиственные прикрытия суть — рассеянность и многозаботливость. Рассеянный не любит жить в себе, многозаботливый не имеет свободной минуты. Один не может, а другому некогда замечать то, что происходит внутри. С первым пробуждением от сна душа их тотчас выходит из себя, и у первого уходит в мир мечтаний, у последнего же погружается в море нужных будто дел. Настоящего для них нет, что, собственно, характеризует всю их деятельность. Один охотнее живет в самосозданном мире и действительного касается только отчасти, ненамеренно, поверхностно; другой и мыслию и сердцем весь впереди, каждое дело он спешит окончить как можно скорее, чтобы приступить к другому; начинает другое — и спешит к третьему; вообще — настоящим у него заняты только руки, ноги, язык и проч., а его дума вся устремлена в будущее. Как же при таком ходе внутренних движений заметить им, что кроется в сердце?

Но грех не довольствуется одним этим лиственным покровом: сквозь него можно еще как-нибудь проникнуть, можно раздвинуть листья его

ветром скорбей и внутренних потрясений совести и открыть скрывающееся под ним безобразие греха: потому грех сам из себя создает некоторый непроницаемый покров, наподобие стоячей мутной воды, куда погружает свое древо с его листвием. Этот покров слагается из неведения, нечувствия и беспечности. Не знаем своей опасности, потому и не ощущаем ее; не ощущаем, потому и предаемся беспечности. И что бы вы ни предпринимали для вразумления такого грешника, все напрасно. Он глубоко сокрыт в грехе, как в море. Производите сколько можно сильнейшие звуки над водою — кто в воде ничего не услышит. Поражайте чем вам угодно нерадивого грешника, он не смутится нисколько. Изобразите пред ним его собственное состояние, он скажет: это не я. Представляйте ему крайнюю опасность, от которой он недалеко, он будет уверять вас, что это не до него касается; возбуждайте его от усыпления, он не устыдится провозгласить: я действую. Так крепок покров, которым закрывает наконец себя грех от взоров того, кем обладает!

Вот в общих чертах все, что предлежит нам изменить в себе, вот обширное поприще деятельности в святом подвиге самоисправления! Надобно снять покров с греха — изгнать из души беспечность, нечувствие, самообольщение, рассеянность и многозаботливость; надобно отсечь его ветви — все порочные страсти и наклонности; наконец ископать его с самым корнем, изгнать самолюбие — самоотвержением. Труд немалый и нелегкий! Греховная нечистота, изображенная пред сим, покрывает душу не как пыль, которую можно стряхнуть легким движением воздуха. Нет, она проникла в самое существо наше, срослась с ним воедино, стала как бы ее частью: потому освобождаться от нее есть то же, что отделять себя от себя, что изымать око, усекать руку. Впрочем, такая трудность не подавлять нас должна, а возбуждать от нерадения. Искренно желающий спасения не смотрит на препятствия: от них он еще бодреннее воспрянет, решительнее приступит и ревностнее начнет спасительное дело самоисправления.

Как же совершать сие дело? С чего начать, что делать потом, что далее, какой вообще ход внутреннего самоисправления? Сердце человека глубоко — как узнать, что в нем происходит при известных обстоятельствах, а тем более, что должно в нем происходить? Всякий имеет

свой характер, у всякого свое настроение, свои страсти, наклонности, привычки. У всякого потому ход внутреннего самоисправления должен быть свой: и одного для всех установить никак невозможно. Самоисправление не есть дело холодных соображений, а живого и ревнивого действования, совершающегося глубоко в сердце. Христианство — тайна, не в основном только, но и в преложении. Ход образования его в сердце подобен пути по сокрытому и запутанному подземному ходу. Вступающему в него скажут: вот путь — и решившийся идти идет уже сам. *Кто убо может спасен быти*, скажет кто, соображая все трудности самоисправления? Отвечаем ответом Спасителя на подобный вопрос: *у человек сие невозможно есть, у Бога же вся возможна* /Мф. 19, 25-26/. Решившийся начать христианскую жизнь чрез Св. Таинства получает благодать Духа, просвещающую, укрепляющую и утешающую. Пребывая неотлучно с ним, она руководит его во все время опасного земного странствования самым премудрым и предусмотрительным образом. И кто может надеяться сам совершить исправление своего сердца? Разве в сем святом деле может кто ожидать успеха от человеческой помощи и человеческого искусства? Послушайте, что говорит Господь: *И воскроплю на вы воду чисту, и очистится от всех нечистот ваших... и очищу вас. И дам вам сердце ново, и дух нов дам вам, и отыму сердце каменное от плоти вашея; и дам вам сердце плотяно, и дух мой дам в вас* /Иез. 36, 25-26/. Все от Господа! Ему и предадим себя, представим себя Его благодатному действию как нечистое и безобразное смешение, да образует из нас, как художник и содетель, добрые сосуды в честь — создания добрые зело. Со своей стороны мы можем представить Богу только искреннее желание самоисправления и полную готовность повиноваться Его мановениям. Что происходит с тем, кого посетит благодать Господня, как она поведет его по пути очищения в состояние чистоты и непорочности, — это Спаситель изобразил в притче о блудном сыне.

Первее всего благодать поучает человека, как разоблачить и снять с него покровы: ибо иначе как и приступить к труду, не видя над чем трудиться? В этом действии спадает с очей ума ослепление, сердцу возвращается чувство, и воля пробуждается от усыпительной беспечности.

Вместе с тем душа невольно останавливает внимание на себе и сосредоточивается внутрь: скорбь и страх, перенеся душу за гроб, к судному престолу, отторгают ее от мира и представляют заботливости ее другой, высший предмет. Обнаженное древо греха стоит теперь пред умным взором грешника во всей безобразной наготе и уже не по роду своему плодородит самоосуждение, покрывает стыдом, жжет судом и угрызением совести. Луч милосердия Божия в смиренной душе рождает теплоту умиления и изводит токи слез раскаяния; обильные непрестанные слезы с самым корнем вымывают наконец из сердца все древо греха. Так совершается все. Человек стоит теперь на чистой земле непорочности и ревнует о святом благочестии.

Коротко и легко дело самоисправления в описании; но не так коротко, а тем более легко бывает оно на самом деле. Многообразны нужды наши, многообразны и попечительные действия в нас благодати; одного приемлет она прямо в блаженный покой, изводит в пажить духа, пасет и услаждает; другого долгими обходами испытывает и после многообразных уже странствований проводит туда, как утружденного и изможденного путника.

Трудно! Но что же бывает без труда? С тех пор как проклята для человека земля в делах своих — человек в поте лица достает себе благо телесное, тем более духовное. Зато сколько бывает наконец утешений в приобретении.

Труд самоисправления не столько тягостен на деле, как нам кажется с первого раза. Он представляется необъятным только со стороны, только дотоле, пока мы не вступим в него. И здесь, как в обыкновенных делах, все зависит от воодушевления, с каким кто приступает к делу... Тесен путь к Царствию, тяжким представляется иго Христово: но только до тех пор, пока мы еще стоим вне, соображаем, обдумываем ход новой жизни. Но когда зародится и образуется в сердце спасительная решимость, — она приносит с собою и воодушевление на благое делание. Воодушевленный последователь Христов идет вслед Его, радуяся и благословляя иго, воспринятое от Него...

Спросите, где взять такое воодушевление? Будем молиться, и молитва веры низведет сей Божественный огнь. Будем молиться о вооду-

шевлении, о решимости и возбуждении от греховного сна.

Приведем здесь еще краткое слово из сборника «Крины сельные или цветы прекрасные», приписываемого святому старцу схиархимандриту Паисию (Величковскому), сл. 16.

Б. О страстях и пагубных пороках и о том, какие от каких рождаются

Прежде всякого грехопадения бесы наводят на человека следующие страсти: мрачное забвение, грех жестокий, то есть бесчеловечную и зверскую злобу, и неведение, как тьму беспросветную. Эти три страсти предшествуют всякому греху. Ибо не совершит человек ни одного греха прежде, чем он предварительно не расположится ко всякому злу или забвением, или гневом, или неведением. От них происходит душевное нечувствие, то есть ум — душевное око — бывает темен и пленяется тогда всеми страстями.

Прежде всего рождается маловерие. Маловерие же порождает самолюбие — начало и конец, корень и родоначальник всякого зла — оно есть бессмысленная любовь к своему телу, когда везде и во всех вещах избирает кто-либо себе одному только полезное. Искореняется же этот злой корень страстей любовью и милосердием и отречением от своеволия. Самолюбие порождает немилосердие и сребролюбие — несытую утробу, также корень и причину всякому злу. От сих двух — самолюбия и сребролюбия — происходят во всяком месте всякое несчастие и жестокие злодеяния. Как в мирянине, так и в монахе сребролюбие порождает гордость, чрез которую бесы отпали от святой славы и свержены с неба. Гордость порождает славолюбие, которым прельстился Адам, захотев быть Богом, и тем навел страдание и клятву на весь род человеческий. Славолюбие порождает сластолюбие, через которое Адам пал и был изгнан из рая.

Сластолюбие порождает чревообъядение и различные блудные дела. Блуд порождает гнев, погашающий сердечную теплоту и пагубный для всякой добродетели. Гнев порождает памятозлобие, охлаждение духовной теплоты; памятозлобие порождает мрачную и злобную хулу на

своего брата. Хула порождает безвременную печаль, как ржавчина, съедающую человека. Печаль порождает безумную наглость. Наглость порождает тщеславие, выставляющее напоказ добродетели и чрез это оставляющее труды без награды. Тщеславие порождает невоздержное многоречие. Многоречие порождает празднословие, пленение. Уныние порождает мрачный сон. Если кто эти страсти победит, тому и прочие покорятся — каковы: страхование, ужас, зависть, ненависть, лицемерие, лесть, ропот, неверие, лихоимство, пристрастие, вещелюбие, малодушие, острожелчие, самомнение, любоначалие, человекоугодие, дерзость, смех, совершенное падение и погибель чрез отчаяние, в каком состоянии человек сам себя закалает, не ведая того человеколюбия Божия и милости, ибо пришел Он грешников спасти, и что нет на земле такого греха, которому не было бы прощения. Из семи следующих страстей — самолюбие, сребролюбие, гордость с тщеславием, злопамятность, осуждение, самомнение, отчаяние — конец всем страстям. От сих страстей если кто не хранит себя и не отвержет их, тот погубит вышеуказанные следующие десять добродетелей: веру, любовь, пост, воздержание, бдение, молитву, смирение со смиренномудрием, безмолвие с молчаливостью, нестяжательность и рассуждение, и вместе повредит все остальные добродетели. Если кто имеет хоть одну из сих главных страстей, таковый нисколько не преуспеет, хотя бы и подвизался против прочих страстей, совершал какую-либо добродетель и хотя бы даже кровь свою пролил за Христа; и молитва такового неприятна Богу. Господь Бог да избавит нас Своею благодатию от всякой напасти и страстей вовеки. Аминь.

В. Что есть истинное покаяние

После всего сказанного о грехах и страстях, о необходимости решительной борьбы с ними, необходимо несколько подробнее остановиться на самом покаянии, именно: в чем заключается истинное покаяние, в чем оно выражается, как к нему приступить и на что при этом направлять главное усилие. Об этом обстоятельно учит св. Димитрий, митрополит Ростовский в той же книге, которая приводилась выше /стр. 82-87/. Приведем это поучение с некоторым сокращением.

Истинное покаяние заключается в том, чтобы не только исповедать поистине грехи свои, но и не возвращаться также на прежние злые дела, но проводить жизнь свою в непрерывном ее исправлении; не только не возвращаться к прежнему, но и с сокрушением сердечным жалеть о преждесодеянном; не только не жалеть, но и дать удовлетворение за содеянные грехи немалыми трудами покаяния, которые не только бы сравнились с содеянными грехами, но и превзошли бы их. Суетно покаяние того, кто недолгим от брашен воздержанием и единодневным пощением хочет многократное объядение и пьянство покрыть. Тщетно покаяние того, кто каким-либо кратким и легким умерщвлением своего тела думает очистить себя от долговременных и тяжких смертных грехов. Неправедно покаяние того, кто немногими воздыханиями и биениями в перси надеется оправдаться от многих неправд, татьбы, убийства, хищения, грабления, братоозлобления и тому подобных прегрешений. Сомнительно прощение грехов тому, кто малыми только слезами (кроме других, истинному покаянию подобающих подвигов и трудов) великие скверны и беззакония чает смыть и избавиться от вечных мучений.

Многие слезы пролили ниневитяне и великое обнаружили покаяние /см. книгу Ионы/, ибо облеклись во вретища от мала до велика и заповедали пост не только людям, но и скоту; и возопили они к Богу, продолжая молитву, и обратились каждый от пути своего злого. Однако они остались в неизвестности относительно своего спасения, ибо говорили: «Кто весть, раскается ли, или умолится Бог и отвратит гнев ярости Своея да не погибнем?»

Если те, обнаружив такое покаяние, оставались в неизвестности относительно умилостивления Божия и прощения грехов своих, то какую уверенность может иметь надеющийся очиститься малым покаянием и немногими слезами от многих и тяжких грехов?

Ты скажешь, ниневитяне были язычники, не ведущие Писания, которое говорит: *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* /Пс. 50/, и еще: *Близ Господь сокрушенных сердцем, и смиренныя духом спасет* /Пс. 33/, и еще: *Рех: исповем на мя беззаконие мое Господеви: и Ты оставил еси нечестие сердца моего* /Пс. 31/. Мы

же, верные, уповаем, что и малые слезы с исповеданием грехов могут получить у Господа грехопростительную милость.

Отвечаю на сие. Да, могут. Но могут разве только для тех, которые уже находятся при смертной кончине и у которых нет времени для больших слез и удовлетворения за грехи; к таковым Господь бывает милостив за одно сердечное сокрушение. Пример — разбойник на кресте, который при кончине своей изрек немногие слова с исповеданием и сердечным сокрушением, но тотчас же услышал от Господа милостивое слово: *днесь со Мною будеши в раи* /Лк. 23, 43/. От человека же здорового и имеющего время к покаянию Бог требует многих слез, многих трудов и подвигов, дабы он сравнял труды покаяния с прежними грехами и даже превзошел их подвигами.

О слезах же говорится следующее: есть некоторые, которые по временам приходят в умиление и плачут, вспоминая грехи свои, а грешить не перестают; для таковых какую пользу может принести их состояние умиления, если нрав их остается неисправным? Другие приходят на покаяние, исповедуют со слезами грехи свои, а после опять возвращаются к тем же греховным сквернам; и таковым какая польза от омовения слезного, если они опять с любовью входят в прежнее болото? Ибо недостаточно покаяния, при котором требуется не только сожалеть и плакать о грехах, но и не возвращаться к греховным делам, а за содеянные грехи подъять подобающий подвиг.

Вспоминает апостол Исава, сын Исаакова, что он не нашел места покаяния, хотя и *со слезами поискал его* /Евр. 12, 17/. Почему слезы грешника сего не были вменены в покаяние, не были приятны Богу и не очистили греха, о котором проливал слезы сей грешник? На сие отвечает св. Златоуст следующее: «Он не нашел места покаяния, потому что не обнаружил достойного покаяния». Из этого примера сей учитель увещевает нас грешных, говоря: «Те, которые предполагают без мук согрешать, надеясь без подобающего изнурения наказания получить прощение своих грехов, те да подумают о следующем: почему Исав не получил прощения? — потому что не покаялся как подобало. Хочешь ли видеть покаяние тщательное (истинное, подобающее), услышь о Петровом покаянии после отвержения. Благовестник (св. Евангелие),

повествуя нам о нем, говорит: *Изшед вон плакася горько*. Потому-то и попущено было ему таковое согрешение, что он плакал подобающим образом. Св. папа Климент говорит о Петре, что он, услышавши глас возгласившего петуха и тотчас вспомнив свое отвержение от Христа, повергся на землю и изливал многие слезы, горько плача, и сие он творил во всю жизнь свою. И поэтому-то Никифор, повествователь о церковных деяниях, пишет о нем, что очи его были как бы кровавыми, и сие от горького плача. Таково было покаяние святого Петра после его согрешения.

Ты же, надеясь в один час оплакать грехи твои, можешь ли так горько плакать, как плакал Петр? Можешь ли рыдать во всю ночь, как он? И далее, можешь ли понести таковые труды и подвиги, какие воздал Петр Христу Господу своему за свое отвержение, претерпев все, даже до своего распятия вниз головою? Не надейся посему на возникающее у тебя по временам малое некое сердечное сокрушение, не уповай на немногий твой труд и на кратковременный подвиг, но соответствующее грехам твоим и даже их превосходящее яви пред Господом покаяние со многими слезами и тогда от Него ожидай милости».

Учит святой Златоуст в беседах евангельских, говоря следующее: «Покаяние не в том только заключается, чтобы отступить от прежних злых дел, но чтобы показать еще большие добрые дела, ибо сказано: *Сотворите плоды, достойны покаяния*. Как же сотворим? — Если начнем совершать противоположные грехам дела. Похищал ли чужое? — Раздай похищенное и свое. Долгое ли время блудодействовал? — Воздержись и от своей жены в установленные дни, приучая себя к воздержанию. Досаждал ли кому-либо или бил ли кого-либо? — Благословляй в дальнейшем досаждающих тебя и благодетельствуй уязвляющим тебя. Ибо для нашего здоровья недостаточно только извлечь стрелу, но необходимо и на язву наложить врачевание. Наслаждался ли и упивался в прежнее время? — Постись и пей воду, чтобы ты избавился от постигшаго тебя вреда вследствие пьянства. Воззрел ли блудными глазами на доброту чужую? — Потом отнюдь не взирай на лице жены, усердно оберегая себя после принятых язв и утвердись во благом, ибо сказано: *Уклонися от зла и сотвори благо*».

Святой Григорий Двоеслов, назвав человека древом, от плода познаваемым, говорит: «В плоде, а не в листьях или корнях может быть познано покаяние, ибо и Господь проклял дерево, которое имело листья, но было бесплодно; Он не принимает исповедания (бываемого только на словах) без плода — удручения тела.

Человек есть мысленное древо, имеющее корень покаяния своего в помысле и намерении исповедания грехов; имеет он и листья — это уже самое исповедание грехов Богу пред отцом духовным и обещание исправления; плоды же этого дерева — удовлетворения и подвиги. Познается поэтому истинное покаяние не по корню намерения и не по листьям исповедания и обещания, но по самым плодам удовлетворения. Утверждай намерение как корень, умножай слова как листья, но если ты не имеешь достойных покаяния плодов, подвигов, трудов и усердного тщания об удовлетворении за грехи, то ты бойся проклятия».

В святом Писании мы находим двух грешников, которые каялись о содеянных ими злых делах и исповедали грех свой Богу, — это Саул и Давид. Но не оба они получили от Бога прощение. Говорил Саул: *Согреших, яко преступих слово Господне* /1 Цар. 15/. Говорил и Давид: *Согреших ко Господу моему* /2 Цар. 12/. Однако Давид получил прощение и спасся, а Саул не сподобился прощения, но пребывал под гневом Господним и погиб. Почему? Сам непрощенный грешник Саул виновен, так как, исповедав грех свой, не сотворил ничего в удовлетворение за него, не явил истиного покаяния и исправления. А сколь много трудился в покаянии Давид после своего исповедания греха?! Он всякую ночь ложе свое омывал слезами, вставал в полночь, пепел как хлеб ел и питие с плачем растворял, изнемогал от поста и удручал тело свое, смиряя себя пред Господом во вретище и пепле многое время: поэтому-то он не только получил прощение греха, но и сделался любезным для Бога. Саул же, совершивший только самое исповедание греха, но не потрудившийся в покаянии, остался непрощенным вовеки.

Посему никто да не надеется от грехов своих великих очиститься только одним исповеданием и каким-либо незначительным умилением, без трудов и подвигов, подобающих истинному покаянию, если он поленится потрудиться, хотя и будет иметь время для своего исправления и

удовлетворения за грехи. Хорошо подражать Давиду, который говорит: *беззаконие мое аз возвещу, и попекуся о гресе моем* /Пс. 37/. Вот не довольствуется Давид одним только исповеданием беззакония своего, но заботится и об удовлетворении: исповедаю, говорит, грех мой и потружусь, пока не сотворю удовлетворение за содеянное. Что пользы открыть язву, а подобающего лекарства к ней не приложить? Какая польза исповедать грехи, а епитимьи за них не понести, не исправить жития своего?

Приведем еще слова других отцов Церкви о таинстве покаяния. Вот что они говорят о епитимьи:

Господь Спаситель всегда примет кающегося, но милость Свою вполне возвращает не вдруг: потрудись и докажи, что глубоко, а не мимолетно сокрушаешься, и опять милость Божия осенит тебя.

И это бывает только после исповеди и разрешения в таинстве покаяния. Без исповеди же и разрешения, хоть ты целую жизнь промучься, ничего не получишь. Ибо грех по крещении лишает благодати обновления духа. Ее надо вновь сподобиться, чтоб с помощью ее очистить втеснившиеся снова в душу и тело нечистоты страстей и самоугодия. Возвращается она в таинстве покаяния, которое есть второе крещение, в слезной купели. Поелику оно таково, то ему предшествует то же, что и крещению, то есть вера, сокрушение со слезами, исповедь с положением решения ходить прочно по воле Божией. Ради таковых расположений сердца, вместе с разрешительным словом отца духовного возвращается благодать и, сочетаясь со свободою, полагает снова начало духовно-благодатной жизни, подобно тому, как бывает сие при погружении в воду крещаемого с произнесением крещальных слов, какие произносить повелел Господь. Без этого же благодать не возвратится: следовательно, и духовной жизни в собственном ее значении не будет.

Что касается до непосредственного прощения, то оно бывает лишь в отношении к грехам ненамеренно прорывающимся, каковых больше всего в помыслах и чувствах, меньше в словах и еще меньше — или чуть заметны они — в делах. Ревнитель богоугождения, страхом Божиим проникнутый, как только заметит такой проскользнувший грех, тотчас обращается к Господу, им всегда зримому, сокрушенно кается,

осуждая себя, и прощен бывает. Но и при этом, коль скоро какой грех тяготит хоть сколько-нибудь совесть, лучше поспешить к духовнику и, исповедавшись, получить разрешение.

Отпущение грехов таинственное бывает тотчас по исповеди, в момент разрешения священнического, а отпущение следов их из естества совершается по трудах покаяния...

Кто кается, тот приемлется в милость Божию; но дары милости не тотчас даются, а спустя иногда довольно долгое время. Это продление невозвращения даров милости и есть Божия епитимья. Ее несут все грешащие большими или малыми грехами. Срока сей епитимьи Господь не объявляет, а держит его в Своем секрете. Оттого милость или чувство помилования всегда возвращаются внезапно — и бывает тогда в душе праздник. Епитимья от духовника дается для сокращения срока Божией епитимьи. Она показывает добровольное принятие на себя покаянных трудов, напрягает сознание своей виновности и преклоняет Бога на милость или делает душу более способною принять сию милость.

Епитимья не есть удовлетворение за грехи правде Божией, не есть жертва за них, не есть выкуп; ибо это удовлетворение, эту жертву, это искупление мы имеем в одном Спасителе нашем, на Себе подъявшем грехи мира, но это есть духовное врачевство, необходимое для исправления жизни кающегося, для уврачевания нравственных его недугов, имеющее единственною своею целью — уврачевание его недугов и предохранение от грехов.

Наложит ли духовник епитимью или не наложит, но эта Божия епитимья — отсрочка в даровании чувства помилования всегда бывает более или менее длительная, судя по грехам. Когда же придет сие чувство (помилования), то тут бывает не то что при убеждении... тут чувство помилования входит в сердце и обладает им и заставляет радоваться и ликовать все силы души и тела. Покаявшийся чувствует на себе при сем объятия Отчи. Это райское состояние дается всем тем, которые довольно потомят себя в сокрушении и преутруждении, конечно, все при условии веры и смиренного к Господу припадения.

Г. Как должно каяться

Спрашивается теперь, как должно каяться?

...Тот, кто познает свои грехи и сознается в них искренне, сознавшись, сокрушается о них и оплакивает их; сокрушившись же и оплакавши их, полагает твердое намерение более не оскорблять Бога своими грехами; и наконец, в сих расположениях смиренно исповедует все грехи свои перед духовником, чтобы получить разрешение в них и явиться к чаше Господней оправданным и чистым пред очами Божиими.

Истинное покаяние состоит в следующем: а) от прежних грехов мы должны отстать и ими, как мерзостью, гнушаться; б) об оных грехах жалеть и Бога умилостивлять и духовнику исповедать, от других грехов всячески беречься; в) прощать ближнему согрешения его, дабы нам самим Бог простил; г) любовь и милость всякому являть, чтобы самим милости получить; д) смирять себя; е) никого не осуждать, не клеветать; ж) Богу молиться всегда, чтобы в напасть вражию не впасть.

Св. Василий Великий говорит: «Не тот исповедует грех свой, кто сказал: согрешил я, и потом остается во грехе, но тот, кто по слову псалма познал грех свой и возненавидел. Какую пользу принесет больному попечение врача, когда страждущий болезнью крепко держится того, что разрушительно для жизни? Так нет никакой пользы от прощения неправд делающему еще неправду и от извинения в распутстве — продолжающему жить распутно...

Премудрый Домостроитель нашей жизни хочет, чтобы живший во грехах и потом дающий обет восстать к здравой жизни положил конец прошедшему и после содеянных грехов сделал некоторое начало, как бы обновившись в жизни через покаяние».

Исповедь должна быть искренней и откровенной!

Те, которые исповедуют помыслы свои отцам духовным, должны исповедоваться со всею искренностью, с сокрушением сердца, как пред Самим Богом, тогда они могут получить милость. Исповедь же, совершаемая с небрежением, не только не приносит пользы, но и служит к осуждению.

Грех человека уничтожается исповеданием греха, а самые корни

греха истребляются борьбою с греховными помыслами и повторением исповедания, когда помыслы начнут одолевать.

Как зрение своих согрешений, так и сердечное исповедание их есть особенный дар Божий и испрашивается усердною молитвою. Умоляй милосердно Господа, чтоб даровал тебе этот дар — залог спасения, и сам понудись к откровенности: ибо враг рода человеческого ненавидит этого пути и всячески старается воспрепятствовать рабу Божию, желающему стяжать милость Божию частым исповеданием своих грехов.

Побеждай ложный срам на земли и не постыдишься на небеси!

1. Какие помыслы необходимо исповедовать и какие не нуждаются в немедленной исповеди

Греховные помыслы и ощущения возникают из падшего нашего естества; но когда греховные помыслы и ощущения начнут постоянно и усиленно приходить, то это служит признаком, что они приносятся врагом нашим, падшим ангелом, или же он понуждает падшее естество наше плодить их особенно. Такие помыслы и ощущения должно исповедовать духовнику так часто и дотоле, доколе они стужают, хотя бы духовник был муж простосердечный, без славы святого. Вера твоя в святое таинство покаяния спасет тебя... Против усиленного и учащенного нападения греховных помыслов и ощущений нет лучшего оружия для новоначального, как исповедь. Исповедь — едва ли не единственное оружие для новоначального во время брани. По крайней мере она — оружие самое сильное и самое действенное. Как можно чаще прибегай к нему во время напасти, нанесенной дьяволом: прибегай к нему, доколе дьявол и нанесенная им напасть не отступят от тебя...

Помыслы, хотя и греховные, но мимоходящие, не усиливающиеся усвоиться душе, не нуждаются в немедленной исповеди. Отвергай их, не внимай им, заглушай их воспоминанием противоположных им евангельских заповедей; упомяни о них в общих словах, отнюдь не принимая бессмысленной заботы исчислить их на исповеди, пред причащением Св. Христовых Таин: скажи, что ты сверх значительных грехов (которые должно изложить с точностью) согрешил разными помышлениями, словами и делами, в ведении и неведении.

2. При осознании своей греховности надо избегать смущения и отчаяния, которые от бесов

Сознавать себя грешным необходимо для спасения, а засуживать себя и метаться во все стороны от греховности очень вредно. Все неумеренное от бесов, сказал прп. Пимен Великий.

Если случится тебе впасть в какое-либо простительное погрешение делом или словом, именно обеспокоиться какою-либо случайностью, или осудить, или услышать, как осуждают другие, или поспорить о чем, или испытать движение нетерпения, суетливости и подозрения других, или понебречь о чем — то не следует крайне смущаться или скорбеть и отчаиваться, помышляя о том, что ты сделал, тем более прилагать к тому печальные о себе думы, что верно тебе никогда не освободиться от таких слабостей или что сила твоего произволения работать Господу слаба, или что ты не как следует шествуешь путем Божиим — при всяком подобном случае обременяя душу свою тысячами и других страхов, от малодушия и печали.

Ибо отсюда что выходит? То, что ты стыдишься предстать пред Богом с дерзновением, как оказавшийся неверным Ему, напрасно тратишь время на рассматривание, сколько времени пробыл ты в каждом погрешении, сосложился ли с ним и возжелал его или нет, отверг ли помысл или нет и подобное. И чем больше мучишь себя так, тем больше увеличивается в тебе расстройство духа, туга и нехотение исповедоваться. Но и когда пойдешь на исповедь и исповедуешься со смутительным страхом, и после исповеди опять не находишь покоя, ибо тебе кажется, что не все сказал. И живешь ты таким образом жизнью горькою, неспокойною и малоплодною, напрасно тратя много времени. И все это происходит оттого, что мы забываем о своей естественной немощи и выпускаем из виду, как следует душе относиться к Богу, именно, что когда душа впадет в какое-либо простительное и несмертное погрешение, то ей следует со смиренным покаянием уповательно обращаться к Богу, а не томить себя излишней о том печалью, тугою и горечью.

...Мы обращаем здесь речь свою к тем, которые живут духовною жизнью и деятельно ищут преуспеяния в ней, всячески избегая грехов смертных. Для тех же, которые живут не строго, а как случится, не

тревожась, если и смертным грехом оскорбят Бога, потребно другое слово. Им надлежит глубоко скорбеть и горько плакать, строго всегда обсуждать свою совесть и исповедовать без жаления себя все грехи свои, и никаких не должны они по нерадению лишать себя средств, необходимых к уврачеванию и спасению их.

Покаяние всегда должно быть воодушевлено и проникнуто крепким упованием на Бога и при легких каждодневных падениях, а тем паче при более тяжких погрешениях, чем обычные, в которые падает иногда и усердный раб Божий, по попущению. Ибо сокрушение покаянное, которое только мучит и грызет сердце, никогда не восставляет души в благонадежное настроение, если не бывает соединяемо с твердым упованием на милосердие и благость Божию. Такое упование непрестанно должно исполнять сердца ревнующих достигнуть высших степеней христианского совершенства. Оно оживляет и приводит в напряжение все силы души и духа.

3. Воспоминание прежних телесных грехов вредно

Тот, кому прощены грехи при таинстве покаяния, обязан не повторять этих грехов и только. Воспоминание прежних телесных грехов очень вредно и воспрещается св. отцами. Тут действуют неверие, недостаток уважения к таинству покаяния, фальшивое понятие о добродетели, обманчивое разгорячение и мечтательность.

4. Об открытии своих грехов кому-либо из близких (не духовнику)

Опять здесь недоверие к святому таинству покаяния, в котором действует всесильный Дух Святой, решительно и вполне изглаживая грехи человеков. Зачем ты считаешь уничтоженное существующим? Не смей прикасаться к великому таинству! Ничтожная пылинка! Не смей пополнять великого таинства, которое имеет свою полноту от Бога и не нуждается в пополнении человеческом. Не повторяй согрешений: вот все, чего требует от тебя Бог и что единственно нужно для твоего спасения. Бойся недоверия, ибо оно умаляет в мыслях человека могущество и благость Божию. Надо очень остерегаться фальшивых мыслей и раз-

горячения, потому что при них человек, думая делать добро, может наделать много зла и себе, и ближним.

5. О том, что крайне опасно откладывать исповедь грехов своих и оттягивать свое исправление

Ныне время сеяти, искати, просити, толкати в двери милосердия Божия, когда Бог обещал услышати и помогати; и слушает, и помогает. Глаголет бо: *во время благоприятно послушах тебе и в день спасения помогах тебе. Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения.* Ныне *всяк просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзается,* — глаголет Христос. Тогда того не будет.

«Я-де при смерти могу покаяться», — отвещает иный? Можешь с таким покаянием и во ад пойти. О, человече, тогда ли хочешь каятися, когда время престает покаяния и наступает время суда и истязания? Тогда ли хочешь к Богу обратитися, когда Бог тебя к ответу зовет? Тогда ли хочешь искать, когда время уже уходит? Бесспорно, что должно и при смерти каяться, и Бога со усердием призывать, яко тогда наипаче подвиг великий души бывает, но до смерти отлагать покаяние есть прелесть ума, нерадение о спасении и кознь дьявола, который таковую мысль в сердце человека влагает и научает закон Божий бесстрашно нарушать, Бога прогневлять и покаяние день ото дня отлагать, чтобы тако человека лестно погубить. Сего ради, когда хочешь блаженно умереть, таков ныне буди, каков быть при смерти желаешь. Рассуждай о мирских вещах: чести, славе, богатстве и роскоши — ныне так, как умирающие рассуждают, которые все тогда оставляют.

6. Согрешивший не должен смущаться, если духовник будет строгим словом врачевать его рану

Кто согрешающего нежит льстивыми ласками, то только более располагает его ко греху и не подавляет преступлений, а питает, но кто строгими советами изобличает и вместе наставляет брата, тот содействует его спасению. *Их же аще люблю,* — говорит Господь, — *обличаю и наказую.* Так надлежит и священнику Божию не обманывать льстивыми услугами, но промышлять о спасительных лекарствах. Неис-

кусен тот врач, который слегка только ощупывает напухающие извилины ран: сохраняя заключенный внутри, в глубоких впадинах, яд, он только увеличивает его силу. Надобно открыть рану, рассечь и, очистивши от гноя, приложить к ней сильнейший пластырь. Пусть больной вопиет, пусть кричит, пусть жалуется на нестерпимую боль: он будет благодарить потом, когда почувствует себя здоровым.

Аминь.

Оглавление

Мы обращаем здесь речь свою к тем, которые живут духовною жизнью и деятельно ищут преуспеяния в ней, всячески избегая грехов смертных. Для тех же, которые живут не строго, а как случится, не тревожась, если и смертным грехом оскорбят Бога, потребно другое слово. Им надлежит глубоко скорбеть и горько плакать, строго всегда обсуждать свою совесть, и исповедовать без жаления себя все грехи свои, и никаких не должны они по нерадению лишать себя средств, необходимых к уврачеванию и спасению их.